

Наталья Солнцева

Лабиринт Ворона

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Лабиринт Ворона

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Лабиринт Ворона / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2018 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-109578-9

«Нельзя освободиться от жажды получить в свою собственность то, что получить невозможно». После корпоративного праздника исчез директор фирмы «Маркон». Алевтина Долгушина, бухгалтер фирмы, подозревает, что его убили и виновата в этом актриса Донна Луна. Она явилась на корпоратив в зловещей зеркальной маске. Ее гипнотический взгляд заворожил всех присутствующих, после выступления она пропала бесследно. Детектив-медиум Астра Ельцова соглашается помочь Долгушиной в поисках босса. Три века тому назад, при дворе царевны Софьи, уже выступала Донна Луна, тайный агент Британской короны. Она искала Магистериум — загадочный порошок, который еще называли «красным львом». Неужели все опять повторяется? Ранее роман выходил под названием «Красный лев друидов»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109578-9

© Солнцева Н. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Солнцева

Лабиринт Ворона

Серия «Мистический детектив»

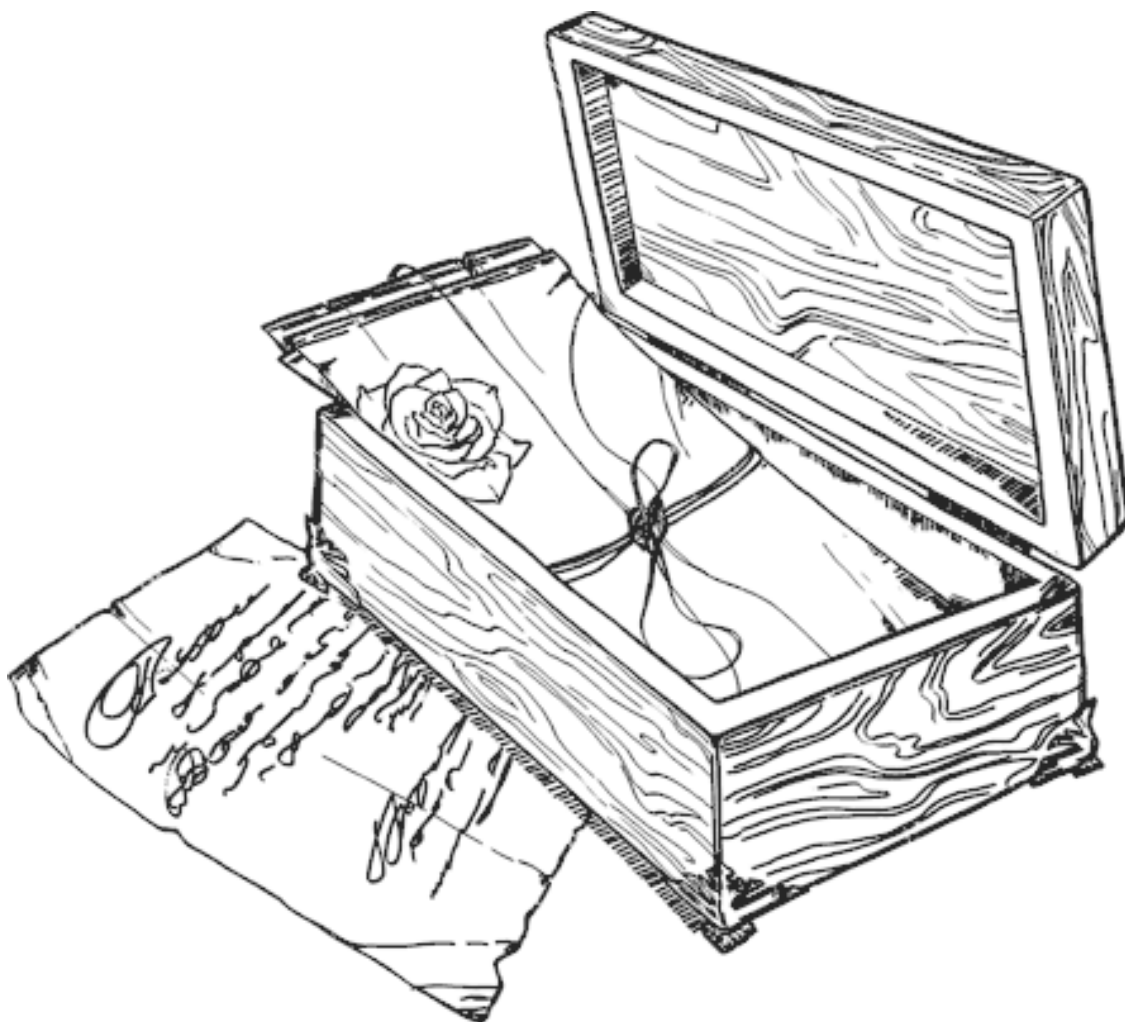
Иллюстрации по тексту художника Helena Maistruk

Портрет автора художник Helena Maistruk (<http://vk.com/helenamaistruk>)

© Солнцева Н., 2018

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*«Пусть говорят, что смуглый облик твой
Не стоит слез любовного томленья, —
Я не решаюсь в спор вступать с молвой,
Но спорю с ней в своем воображеньи.
Чтобы себя уверить до конца
И доказать нелепость этих басен,
Клянусь до слез, что темный цвет лица
И черный цвет волос твоих прекрасен.*

*Беда не в том, что ты лицом смугла, —
Не ты черна, черны твои дела!»*
(Шекспир. Сонет 131)

Глава 1

У него мутилось в голове от постоянного страха. Он куда-то проваливался... в гулкий темный лабиринт без конца, без начала. Он блуждал по этому лабиринту в кромешной тьме. Тишина таила насмешливое и грозное эхо, которое то смеялось, то плакало... шептало, стонало, вздыхало... Казалось, там, в темноте, прячутся невидимые монстры, готовые разорвать на части незваного пришельца... Они сонно ворочаются, издавая пугающие звуки – невнятные, мягкие, вкрадчивые...

Ему оставалось одно – идти на *голос*! Чей-то спасительный голос, который служил ему ориентиром в ужасном лабиринте. Голос приказывал, поддерживал, направлял... Если он ослушается, голос смолкнет, исчезнет и оставит его вечно бродить в этих запутанных мрачных коридорах. Ни искры света, ни глотка свежего воздуха – только пыль, смерть и тлен...

Он просыпался в холодном поту, охваченный дрожью, с ощущением тоскливой безысходности. Голос вызывал его из небытия... и вновь погружал в небытие. Без голоса он переставал существовать. Голос подстегивал его, встряхивал, пробуждал к жизни... заставлял идти, дышать, разговаривать с людьми...

Иногда голос навязывал ему странные мысли. Иногда голос раздваивался или превращался в целый хор голосов, которые наперебой диктовали ему совершать разные поступки. Он стал рабом голоса, и это рабство тяготило его... Он боялся обрести свободу и фанатично, иступленно мечтал о ней...

Порою голос был мужским, порою – женским... то грубым, то сладостным, словно ангельское пение... Он завораживал, обволакивал, подчинял. Он напевал: «Убей... и ты опять станешь собой. Сможешь засыпать спокойно и просыпаться безмятежно... Сможешь выйти из лабиринта, снова увидеть солнце, деревья и цветы... Убей! Ведь это так просто... проще не бывает... Все люди смертны. Рано или поздно каждый расстанется с жизнью. Это естественный закон, общий для всех. От смерти не уйти, не скрыться... ее нельзя обмануть, невозможно перехитрить... Ты всего лишь ее слуга! Верный и безмолвный... Сделай, как она велит, и спасешь себя от безумия! В том не будет твоей вины, твоего греха... Ты останешься чист перед высшим Судьей. Ты исполняешь ее волю... Убей – и получишь награду! Она отвернет от тебя свой неумолимый костлявый лик... Ты станешь ее возлюбленным... ее рыцарем... ее пажом...

Женщины тебя презирают! Они смеются над тобой, лгут тебе... Они будут продавать и предавать. Им нельзя верить... на них нельзя надеяться. Только смерть никогда тебе не изменит... никогда не обманет... Она поможет тебе выбраться из лабиринта! Укажет путь...

В конце пути тебя ждет желанная награда...»

Иногда он путал *голос* с самим собой, своим внутренним Я. Иногда – отдавался ему, растворялся в нем, словно капля в безбрежном океане... Иногда боролся с ним и просил пощады...

Ему стоило невероятных усилий не показывать своего состояния. Со стороны никто не должен был ничего заметить. Он закрыл свой секрет на тысячу ключей, запечатал семью печатями...

* * *

Лариса Калмыкова не боялась бальзаковского возраста. После тридцати она наслаждалась жизнью как могла, как получалось. Годы бежали незаметно, и, перевалив за роковой сорокалетний рубеж, который она сама установила для себя, словно замерли. У нее было все, о чем она мечтала, – красота, праздность, обеспеченный муж, здоровый сын, хорошая квартира в Москве, машина, деньги на разные женские прихоти и даже определенная свобода.

Лариса не являлась рабой любви, отнюдь. Она вышла за Калмыкова по расчету и не собиралась разрушать свой брак из-за плотской страсти или романтического увлечения. Романтика, впрочем, как и чувственное влечение, имеют свойство быстро и без следа рассеиваться. К супругу она давно охладела, убедившись, что в постели от него мало толку. Главное, что в бизнесе Виталий Андреевич оказался не промах. Она привыкла ни в чем себе не отказывать, он привык полагаться на ее вкус, умение достойно вести дом, принимать гостей, поддерживать светскую беседу. Ему импонировала способность жены «произвести впечатление» на мужчин, вскружить им голову... заставить их идти у нее на поводу и делать глупости. Калмыковы прекрасно дополняли друг друга. Стороннему наблюдателю не пришло бы в голову, что их семейная жизнь постепенно и неумолимо расползается по швам, подобно модному костюму, сшитому гнилыми нитками.

Лариса не желала признавать, что с некоторых пор ее перестало удовлетворять то положение вещей, к которому она сама же и стремилась.

«А что тогда привело тебя сюда, дорогуша? – спрашивала она себя. – Если все по-прежнему безупречно, то...»

Она вдруг напряглась и села вполоборота к столику в углу зала, стараясь казаться безразличной. Стрелки часов приблизились к полуночи. Маленький ресторан ночного клуба «Жозефина»¹ посещала изысканная публика, и места надо было заказывать загодя. Несмотря на цены, здесь всегда был аншлаг. Роскошный интерьер изобиловал зеркалами, бронзой и хрустальными светильниками. Тонкий фарфор, на котором подавали кушанья, блестел позолотой. Дамы, посещавшие заведение, надевали вечерние платья и драгоценности, мужчины предпочитали классический стиль. Лариса любила появляться в «Жозефине», демонстрируя дорогие украшения от Веллендорф, подаренные мужем. Эти кольца, браслеты и серьги, сплетенные из бесчисленных золотых нитей, подчеркивали нежную бархатистость ее кожи.

Она подозвала официанта нарочито ленивым жестом.

– Голубчик, когда же?

– С минуты на минуту.

– Столик заказала именно она?

¹ Название, как и все последующие, придумано автором. Любые совпадения случайны.

– Да... на двоих. Я проверил. – Он скользнул взглядом по недопитому коктейлю, нетро-
нутому салату. – Может, подавать форель?

– Не хочется...

– Как насчет шоколадных пирожных по французскому рецепту?

Она натянуто улыбнулась.

– Которыми угощали на приемах самой Жозефины де Богарне?

– За это не ручаюсь... – смутился парень. – Но наш кондитер проходил обучение в
Париже. Выпечка у нас вкусная.

– Да знаю, знаю...

Лариса нетерпеливо вздохнула и поправила выбившийся из прически темный локон.

– Она просто опаздывает, – сказал парень. – Придет, не сомневайтесь! Заказ оплачен
наперед.

Официант, устроенный в этот ресторан по протекции Калмыкова, рад был оказать Ларисе
услугу. Месяц назад он сообщил ей, что Астри Ельцова действительно изредка заходит в
«Жозефину», встречается с давней приятельницей, похоже, своей однокурсницей.

«Вас не обманули. Это известная актриса! – восторженно сиял он. – Я ее узнал!»

«Астри? Ты шутишь, Антон! Барышня закончила театральный, но дальше дело не пошло.
Ее отец богат. Зачем ей выходить на сцену?»

«Не Ельцова... та, другая! Ее приятельница! Она снималась...»

Парень назвал два популярных телевизионных сериала. Впрочем, Лариса принципиально
не смотрела мелодрамы.

«Странно, как мы не встретились!» – удивилась тогда она.

«Так вы же не каждый раз бываете...»

К полуночи зал ресторана был почти полон. Томно звучала виолончель в сопровождении
клавесина. На столиках горели свечи. Запах духов перебивали ароматы горячего шоколада и
тропических фруктов. Звенели приборы... приглушенно смеялись дамы...

– Идет! – возбужденно шепнул Ларисе официант.

Она ощутила внутри ледяной комок, выпрямилась и махнула ему рукой.

– Принеси пирожных, пожалуйста...

Антон бесшумно удалился, ловко лавируя между столиков, а она вся напряглась, стараясь
при этом сохранять видимую непринужденность. Вряд ли госпожа Ельцова хорошо знает ее в
лицо... но осторожность не помешает.

Лариса поставила бронзовый канделябр так, чтобы загородить себя от любопытных глаз.
Хотя в роли соглядатая выступает здесь именно она, а не Астри... лучше оставаться незаме-
ченной. Язычки свеч возбужденно затрепетали, в унисон ее волнению...

Мимо нее, шурша бархатным подолом, прошествовала долгожданная госпожа Ельцова.
Платье ее было ампирного стиля, высоко подпоясанное, почти под грудью, с большим овалъ-
ным вырезом, с рукавами-фонариками; на шее – античная камея цвета слоновой кости, волосы
убраны на прямой пробор, гладко, и сзади уложены локонами. В ушах поблескивают малень-
кие жемчужинки. Зайди она сейчас не в современный ночной клуб, а в аристократическую
гостиную начала XIX века, – ее приняли бы за современницу светских дам той поры.

Лариса досадливо поджала губы. Зря она считала Астру безалаберной и эксцентричной
особой, смешной чудачкой, которая от скуки занимается частным сыском с примесью спии-
тизма. Каким-то непостижимым образом ей удалось увести у опытной львицы Калмыковой
превосходного любовника². Теперь понятно, что сия барышня умеет ловко прикидываться и
строить из себя черт знает кого!

² Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Лариса отметила хороший покрой и элегантность наряда соперницы. Да, соперницы! Наконец она подобрала подходящее определение для этой молодой женщины. До сих пор она видела Астру издалека, мельком... и пользовалась непроверенными слухами. Не верилось, что та зачастую бегаёт по Москве растрепой, в простенькой курточке и полусапожках без каблука... ездит в метро, толкается в наземном транспорте. Даже машину не научилась водить! Уж при ее-то достатке могла бы и шофера нанять. Хотя зачем? Ее Карелин возит...

«Чем она приворожила Матвея? Почему он променял меня на нее?» – задавалась вопросом Калмыкова.

Она исподтишка придирчиво вглядывалась в черты лица Астры. Ну ведь ничего особенного! Самая заурядная внешность... никакой «модельной» худобы, никаких впалых щек, острых скул, точеного носика и пухлых губок. Фигурой соперница тоже не вышла: средняя упитанность, средний росточек, средний размер груди. Правда, Ельцова моложе... но уже далеко не юная девушка, соблазняющая своей нетронутой свежестью. Вот глаза у нее выразительные – темные, удлиненные, приподнятые к вискам. Одни только глаза... Неужели, Матвей поддался гипнозу «черных очей»? Он же всегда ненавидел *цыганицину!*..

Между тем к столику, за которым сидела Астра, подошла «знаменитая актриса». Если бы не восторженный отзыв официанта, Лариса бы приняла ее за обычную посетительницу ночных клубов, охотницу на крупную дичь. В подобных заведениях можно было познакомиться с состоятельным мужчиной, падким на длинные ножки и светлые волосы. Актриса, типичная «блондинка», с ходу начала болтать с Астрой, как со старой знакомой. Пожалуй, они в самом деле однокурсницы. Вызывающе яркое шелковое платье актрисы с открытой спиной проигрывало светлому чайному бархату наряда ее приятельницы. Как ни странно, модная и смелая блондинка уступала невзрачной Ельцовой по всем статьям. Некоторая вульгарность сквозила в ее манерах, в ее привычке размашисто жестикулировать и громко смеяться, запрокидывая голову...

Официант, разносивший заказы, восхищенно покосился на длинноволосую красавицу. Ее неестественно громкий смех привлекал и внимание гостей клуба. Дама за соседним столиком наклонилась и прошептала что-то своему пожилому спутнику. Астра сдержанно улыбалась, слушая болтовню актрисы. Время от времени она вставляла короткие фразы.

Как Лариса ни напрягала слух, до нее доносились лишь невнятные звуки. Мешал общий шум, вздохи виолончели и лепет клавишина.

«Интересно, о чем они говорят? – гадала она. – Вспоминают студенческие годы? Обсуждают знакомых? Хвастаются успехами? Ельцовой особо похвалиться нечем, кроме папашиних денег... Ни в театре, ни в кино она карьере не сделала. Зато является наследницей приличного капитала, что на сегодняшний день немаловажно. Неужели Матвей купился на приданое этой богатой невесты? Нет, он не меркантилен! Хотя... разве я успела узнать его как следует? Наши отношения развивались в постели, и там мы оба выкладывались на всю катушку. А в душу я к нему не заглядывала... мне было достаточно его ласк. Выходит, я допустила серьезную ошибку. Раз он ушел от меня к другой женщине... значит, ему чего-то не хватало. Неужели душещипательных бесед и сентиментальных переживаний? Не думала, что он нуждается в подобной чепухе!»

Незаметно для себя Калмыкова разозлилась. Когда их роман с Матвеем вступил в стадию охлаждения, она не верила в разрыв. Потом, когда они перестали встречаться, она все надеялась на его скорое возвращение. Побегает, утолит потребность в новизне – и вернется. Куда ему деваться от такой чувственной пылкой любовницы, как Лариса? Где он еще найдет такой ненасытный, утонченный секс? И главное – совершенно бескорыстный! Что ни говори, а нынешние дамы нередко превращают постель в способ легкого заработка. Ларису же обеспечивал муж, и от любовника ей требовалась подлинная страсть, а не счет в банке.

Теперь, рассматривая вблизи счастливую соперницу, она пыталась понять, чего не доставало Матвею и что давала ему эта ничем не примечательная женщина.

«Впрочем, я рискую снова обмануться, – одернула себя Лариса. – В Ельцовой явно присутствует скрытая харизма. При всей ее внешней непритязательности она сумела одеться и причесаться так, что рядом со «знаменитой актрисой» выглядит настоящей леди...»

Этот вывод поверг Ларису в шок. Ее шансы вернуть любовника таяли, а недоумение росло. Давно пора плюнуть и на странную барышню Астру, и на изменника Карелина. Казалось бы, в прошлый раз в этом же клубе он ясно дал ей понять, что с прежним покончено. И она подавила вспыхнувшую обиду, дала себе зарок выбросить Матвея из головы. Отчего же томительной болью отзывается в ее сердце память о тайных встречах с ним?..

Глава 2

После целого дня, проведенного среди бумаг в собственном конструкторском бюро, Матвей Карелин спешил в спортивный зал, к своим «трудным» подросткам: обучал их приемам рукопашного боя, гонял до седьмого пота. И сам не отставал, используя физические нагрузки для избавления от накопленной умственной усталости. После тренировки ехал домой, ощущая непривычную тревогу. Его сознание, казалось, было постоянно занято каким-то подспудным ожиданием... или искало ответа на какой-то чрезвычайно важный вопрос. Весь фокус заключался в том, что Матвей не мог понять, чего он ждет и что его тревожит...

Дома он не находил себе места, слоняясь из угла в угол, то пытаясь забыться у телевизора, то отправляясь на позднюю прогулку. Свежий осенний воздух должен был бодрить, однако напротив – он угнетал Матвея. Шагая пешком по мокрым от сырости улицам, где стояли деревья с пожелтевшими листьями и мрачные дома, облитые неоновым заревом, Матвей будто погружался в некий болезненный транс, наполненный зловещими и темными тенями. Призраки, скользящие следом, протягивали к нему руки и горько стонали. Он старался не смотреть на них, а обращать больше внимания на прохожих... но именно это избегание оборачивалось совершенно обратным образом. Ноги сами несли его на Сретенку, к месту, где некогда возвышалась построенная по приказу Петра Великого Сухарева башня. Каменная четырехугольная сизая громада ее, увенчанная шатром с часами, казалось, до сих пор с гордым величием взирает на современную Москву. Во всяком случае, незримый и таинственный образ башни явно присутствовал над оставшимся в земле фундаментом. Матвей почти воочию видел ее, пугаясь ясности и четкости форм этого выступающего из небытия памятника истории, безжалостно разрушенного в 1934 году...

Башню разбирали по кирпичикам, и, по слухам, каждый камень придирчиво осматривали на предмет «Брюсова клада». Что было спрятано в этом грандиозном и символическом сооружении Петровской эпохи, никто толком не знал.

Матвей словно воочию видел не только саму Сухареву башню с проездными воротами, но и раскинувшиеся вокруг нее низкие домики простолюдинов, и белые боярские палаты, и часовни, и амбары, и караульные помещения, и кабаки... слышал грохот колес, стук копыт... крики возникших...

В верхнем ярусе башни соорудил свою астрономическую обсерваторию верный соратник царя Петра, фельдмаршал, колдун и алхимик, «могучий чародей» граф Брюс, который, по его же словам, «читал в звездах судьбы людей, прошедшее и будущее время...» После смерти государя-императора он удалился от двора, покинул суетный Санкт-Петербург и проводил дни и ночи в башне: то за телескопом, то в алхимической лаборатории за тиглями и ретортами...

Утомительная борьба с разыгравшимся воображением надоедала Матвею, и он возвращался в свою уютную квартиру, пил чай или принимал горячий душ... брался за книгу, чтобы отвлечься. Увы, напрасно. Тогда он принимался думать об Астре, о том, кто они друг другу – любовники, друзья, партнеры? И первое, и второе, и третье... Разве так бывает? Впервые в жизни отношения с женщиной ставили Матвея в тупик. Его тяготила неопределенность, но ни он, ни она не могли ни сблизиться окончательно, ни разойтись. В то же время Матвей уже не представлял своего существования без Астры. А она? Он не решался напрямик спросить ее об этом. Она молчала, загадочно улыбаясь или смутно глядя на него из-под ресниц. Должно быть, ее терзали те же сомнения и мучили те же противоречия.

По ночам Матвея преследовали навязчивые сны; их нельзя было назвать кошмарами, но позже их невозможно было вспоминать без содрогания. Если бы его спросили, в чем причина такого душевного смятения, вряд ли он сумел бы внятно ее выразить. Ложась спать, он гадал, какое неприятное видение возмутит его спокойствие на сей раз...

Однажды на Хэллоуин он повел группу своих мальчишек из военно-спортивного клуба «Вымпел» прогуляться по Москве³. Парни нарядились персонажами «нечистой силы», а наставнику предложили надеть костюм вельможи петровского времен: кафтан, расшитый серебром камзол, кружевная рубашка, парик, башмаки с пряжками. Развеселая компания отправилась на Сухаревскую площадь...

Матвея неудержимо влекло к башне. Вернее, на то место, где она когда-то стояла. Он не заметил, как оторвался от ребят, и внезапно его со всех сторон обступила тишина. Человек в треуголке, проходивший мимо, чуть не задел его длинным плащом. Шел снег. Здания вдруг уменьшились в размерах, мостовая стала узкой и грязной, все вокруг изменилось... Сквозь пелену летящих снежинок он увидел идущую впереди женщину в накидке, отороченной мехом. Та опалила его взглядом своих угольно-черных глаз, поманила за собой...

– *Куда ты меня ведешь?* – крикнул Брюс.

Женщина не обернулась, только ускорила шаг. Он замешкался... и тут его позвали. Он обернулся на голос, а женщина исчезла...

– Хотите пить? – спросил парень, переодетый Оборотнем, и протянул Матвею банку с пивом.

Матвей в костюме Брюса, как он окрестил свой наряд, пришел в себя и покачал головой. Он пытался разглядеть в темноте очертания башни, но та тоже будто растворилась в сумерках...

Теперь, по прошествии четырех лет, образ той женщины в накидке, отороченной мехом, вновь проник в его сознание, выплыл из забвения и овладел его мыслями. Ему вновь захотелось отправиться туда, куда она звала его... Жаль, что нельзя повернуть время вспять.

³ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

Он все чаще думал о той странной незнакомке, представлял ее лицо, дорисовывал то, чего он не мог знать о ней, – происхождение, род занятий, характер, привычки. Иногда ему казалось, что она похожа на Астру...

– Я иду за тобой! – шептал он... и просыпался в холодном поту.

Возможно, так и было. Возможно, она отыскиала его, чтобы... чтобы... Разгадка дразнила его призрачной близостью, рассыпалась по зеркальным коридорам памяти. Зря он смеялся над Астрой, упрекая ее в нелепой привязанности к «венецианскому зеркалу», в котором, по ее словам, жил ее двойник! Разве он сам не является двойником Брюса в этом мире, обильно начиненном всевозможными техническими штуковинами, гораздо более сложном и опасном, чем жестокое наивное время петровских реформ? Граф был провидцем... но чего-то он не предусмотрел. Или наоборот? Брюс видел то, что являлось недоступным для всех остальных... даже для его царственного покровителя?

Беспокойный сон, полный мелькающих видений, сменялся провалами в глухую черноту, бездонными, как ночное небо. Матвей терял самого себя в круговороте отражений и образов, разворачивающихся перед ним картин из чужой жизни...

Вот отчаянно рыдает в дворцовой спальне пышнотелая царица Екатерина, ломает руки, взывает то ли к милосердному Богу, то ли к венценосному супругу. Зачем обрек ее на горькие страдания? Зачем заставил глядеть на мертвую голову милого друга, красавца-камергера Вилли Монса? Высоко взлетел бывший адъютант и камер-лакей⁴, забылся... обнаглел. Вздумал у царя под носом блудить, да не с кем-нибудь, а с его женой! Бурная жизнь, гульба и попойки, тяжелая работа, военные походы подкосили здоровье Петра... а Екатерина, не в силах смирить жар горячей крови, обратила благосклонность свою на молодого любезного Монса. В Петербурге с опаской заговорили о фаворите государыни...

Когда-то в юности Петр любил захакивать в Немецкую слободу, покутить, приласкать нежную девицу Анну Монс. Ее маленький брат с жадностью наблюдал за влюбленными... а царю-то и невдомек, какой коварный лиходеи подрастает. Ловкий, услужливый, льстивый, так сумел угодить императрице, что та забыла страх и стыд, впустила в свою опочивальню сего жалкого ловеласа, отдалась ему, как последняя шлюха! Воистину, женищина есть источник зла...

Петр, измученный приступами болезни, которая в скором времени должна была свести его в могилу, и помыслить не мог об измене дорогой Катеньки. Из праха поднял он ливонскую пленницу, из нищеты, пригрезил ее, приголубил, осыпал несчетными милостями. Бриллианты горстями дарил, под венец повел, посадил рядом с собой на трон великой державы, короновал... первую из всех русских цариц!⁵ И чем отплатила бывшая прачка Марта императору? Подлой, вероломной изменой... В бешенстве скрипел зубами Петр, буграми вздувались на его лбу синие жилы, – сильнее физических страданий царя одолевала душевная боль, ярость ослепляла, жгла сердце огнем! Как посмели – у него за спиной? Как решились на такое злодейство?!

Брюс, как умел, охлаждал гнев самодержца. Негоже раздувать скандал в царской семье – врагам на радость, себе на позор. Дочери подрастают – Анна и Лизанька, – им вовсе ни к чему такой срам. А уж как воспрянут духом противники, уж как начнут вопить, что-де и дочерей Екатерина родила не от Петра Алексеевича – нагуляла с офицерами или придворными. Следовательно, цесаревны законных прав на престол не имеют, потому как нету в них царской крови.

Императрица, почуяв беду, притворно веселилась, ластилась к угрюмому мужу. Тот с трудом сдерживался, чтобы не ударить ее.

⁴ Камер-лакей – старший лакей при царском дворе.

⁵ До Екатерины I была коронована только Марина Мнишек – Самозванцем.

– Наглость!.. Разврат!.. – хрипел Петр, запершись с верными приближенными в своих раззолоченных апартаментах. – Уничтожу!.. Раздавлю!..

– Бунт... заговор... – осторожно подсказывали царю. – Казнокрадство... Монс-то при Екатерине в большую силу вошел. Перед ним лебезят, его расположения ищут самые высокопоставленные сановники... министры... иноземные посланники... челобитные тащат... на подношения не скупятся...

– Плут!.. Негодай!..

– Взяточник! – нашептывали Петру. – Расточитель государственных средств!

Царь, недолго думая, приказал арестовать Монса и предать его скорому суду. В течение нескольких дней Монсу был вынесен смертный приговор по обвинению во взяточничестве и прочих тяжких государственных преступлениях. В хмурый ноябрьский день бывшему камергеру и любовнику Екатерины отрубили голову. Тело оставили валяться на эшафоте...

Императрица улыбалась, ничем не выдавая своего ужаса. Царственные супруги не разговаривали друг с другом. Болезнь Петра усугубляла семейный раздор. В припадке ненависти он велел заспиртовать голову незадачливого фаворита в стеклянной банке и поставить в спальне Екатерины на видное место.

– Смотри и радуйся! – процедил он сквозь зубы. – Посмеешь убрать или прикрыть чем-нибудь, пеняй на себя! Будете рядом не только в любви, но и в смерти...

Бедная женщина тряслась в нервном ознобе. У нее пропал сон, исчез аппетит. В сумраке спальных покоев освещенная свечой отрубленная голова Монса, казалось, не сводила с Екатерины взгляда прищуренных глаз, кривила губы в ухмылке, а волосы на ней слабо шевелились в желтоватом консервирующем растворе...

– Я больше не могу! Я сойду с ума... – жаловалась царица кому-то невидимому. – Уберите ее отсюда...

Матвей проснулся и не сразу сообразил, что он не в Петербурге, не в царском дворце, пропитанном тревожным ожиданием, изменой и страхом, а в Москве, в своей квартире, и что завтра ему не сидеть в приемной у дверей венценосного друга, а идти в офис конструкторского бюро, проверять расчеты и чертежи, распекать сотрудников и ублажать придирчивых заказчиков.

Он приподнялся и смахнул испарину со лба. Что с ним происходит? Отрубленная голова все еще стояла у него перед глазами...

– Дурацкое видео! – пробормотал он, часто дыша. – Больше не буду его смотреть!

Глава 3

Астра выслушала Карелина с невозмутимым лицом.

– Видео? Какая ерунда! – воскликнула она. – Это лишь зеркало прошлого или будущего, а если уж говорить наверняка, то проекция...

– Хватит кормить меня словоблудием! – взорвался он. – Какого черта ты держишь флэшку у себя?

– От того, что я выброшу флэшку, ничего не изменится. Записанные на ней эпизоды отпечатались в нашей памяти – твоей и моей – и никуда не денутся. Подумаешь, отрубленная голова! Нечего паниковать...

– Ты считаешь, я паникер? Ну, спасибо... уважила! Зря я тебе рассказал...

Астра пожалела о вырвавшейся фразе и поспешила исправить ситуацию:

– Ладно, не дуйся. Я не то имела в виду. Понимаешь, каждый эпизод на флэшке так или иначе осуществился в реальности. Кроме одного...

– Какого? – спросил Матвей, хотя не хуже нее понимал, о чем идет речь.

Она намекала на усадьбу в Глинках, которую заснял сумасшедший убийца. Почему именно это старинное подмосковное имение выбрал для своего любительского фильма ныне мертвый преступник? Потому ли, что на фасаде бывшего господского дома застыли каменные маски? Или потому, что его построил граф Брюс? Выйдя в отставку после смерти Петра, он удалился от двора и поселился в загородном поместье...

– Яков Брюс – прямой потомок шотландских королей, в нем течет кровь кельтской знати, – напомнила Астра. – А жизнь кельтов⁶ тесно переплеталась с древней магией. Понимаешь? Отрубленная Голова Брана была их главной реликвией.

⁶ Кельты – древний народ, обитавший в Западной Европе. Оставил после себя множество легенд и преданий, в том числе

Он соорудил скептическую мину. При свете дня, в присутствии молодой женщины, все эти ночные страхи казались нелепыми. Конечно, Астри поднимет его на смех.

– Вот скажи, как Брюсы оказались в России?

– Полагаю... бедность заставила их искать применения своим способностям на службе у иноземных правителей, – слукавил Матвей. – Возможно, тому способствовали интриги или какие-нибудь семейные распри. Откуда мне знать?

– У меня другая версия. Дед Якова сбежал от друидов!⁷ Он обманом завладел их секретами и спрятался в далекой Московии, прихватив с собой свитки с описанием тайных обрядов, колдовских заклинаний и рецептов редчайших лекарств и ядов. Может, это и была та самая «Черная книга» Брюса, которую до сих пор ищут?

– Друиды ничего не записывали, они передавали тайные знания из уст в уста только верным ученикам, – вырвалось у Матвея.

Астри с многозначительным видом подняла вверх указательный палец.

– Видишь? Ты сам об этом сказал!

– Ляпнул наугад.

– Вряд ли, – усомнилась она. – Скорее, заговорило твое подсознание.

– Ой, я тебя умоляю! Давай без этих фрейдовских штучек!

– Даже если и так, тебе нечего бояться, – не отступала Астри. – Напоминаю: отрубленная голова у кельтов считалась оберегом.

– Бред какой-то...

– Не расстраивайся. Дело прошлое, и ты за Брюсов не в ответе. Однако же не напрасно люди называли графа Якова колдуном и чародеем. Он делал астрологические прогнозы, составлял календари и карты...

– Угу... – рассеянно кивнул Карелин. – Ты тщательно изучила вопрос.

– Я всегда так делаю. Есть мнение, что кольцевая линия Московского метро была построена по астрологической карте Брюса. Потому на ней и двенадцать станций... Зодиакальный круг! Слушай... а правда, что Брюс умел изготавливать живую и мертвую воду?

– Чтобы покойников воскрешать? Не-е-ет...

– Ты подумай хорошенько, вспомни!

Она его развеселила.

– Скажи еще, что Брюс создал из цветов девушку, которая прислуживала ему, «кофий подавала», а потом он булавку у нее из головы вытащил – она и рассыпалась.

Матвей улыбнулся. Басни про Брюса он относил к разряду народного фольклора. Поговорка про дым, которого без огня не бывает, в данном случае звучала неубедительно.

– А правда, что граф построил свой дом в Глинках поверх каких-то глубоких подземелий загадочного происхождения? И прорыл множество дополнительных галерей? А чтобы любопытные не совали туда носы, установил энергетическую защиту? Заслон, опасный для здоровья? И что в тех галереях якобы спрятана разная колдовская утварь, железный орел, на котором Брюс летал над Москвой, и прочие хитрые приспособления?

– Неужели ты веришь в эти глупости?

– Я – нет, – быстро ответила Астри. – А вот некоторые лозоходцы исследовали Брюсову усадьбу, вкупе с окрестностями, и утверждают, что там крутится как бешеная, подтверждая наличие сильных аномалий.

– Болтовня!

– Кстати, ты же обожаешь таскать своих подопечных из «Вымпела» во всякие необычные места. В пещеры, например, или на поля былых сражений. В Глинка водить не пробовал?

о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

⁷ Друиды – жрецы у древних кельтов.

– Там же санаторий, – возразил Матвей. – Люди отдыхают, лечатся...

Он задумался над ее словами. Может, и в самом деле побродить по территории усадьбы? Без сопровождения... одному... Он уже приезжал туда, еще до знакомства с Астрой, гулял по липовым аллеям... надеялся: что-то отзовется в душе, поможет понять себя... Долгие прогулки по парку ничего не разбудили в нем, дом тоже хранил настороженное молчание. Только фонтан беззаботно журчал, навевая ностальгическую грусть...

Каким образом поместье Брюса попало на флэшку? Выходит, автор этого фильма не поленился и съездил туда? Зачем?

Флэшка с разрозненными видео эпизодами, словно выхваченными камерой из стремительного течения жизни, подобранными без смысла и связи, попала к Астре, казалось бы, случайно⁸. Устроившись компаньонкой к одинокой немке, баронессе Гримм, она наткнулась на тайник в стене, где лежала флэшка и сухой корешок, похожий на маленького человечка. В ночь пожара и гибели баронессы Астре чудом удалось спастись и вынести из огня три вещи: старинное зеркало, принадлежавшее хозяйке коттеджа, флэшку и корешок. Все эти предметы она умудрялась использовать в расследовании преступлений. Особенное значение имел для нее фильм. Многократно просматривая видео, она пыталась соединить отснятые кадры с действительностью... быть может, с собственной судьбой...

Блестящее тело змеи скользит по стволу могучего дерева... Дикий вепрь, за которым гонятся всадники, скрывается в тумане... Под сводами средневекового замка висит над очагом котелок с ритуальным угощением... На каменном постаменте посреди водоема сидит бронзовая русалка... Улицы Венеции запружены танцующими участниками карнавала... Золотое блюдо, на котором лежит отрубленная голова... Толпа ряженых бросает в огромный костер соломенное чучело... Обнаженные любовники в масках предаются страсти... Ночное небо с яркой россыпью звезд Млечного Пути... Статуя Афродиты в венке из мандрагоровых цветов... Корова, пасущаяся на лугу... Тело повешенного раскачивается на виселице... Туристы бросают в фонтан монетки...

Пленительный женский голос сопровождал сменяющие друг друга эпизоды мелодией без слов. Наверное, так пели сирены, заманивая мореходов в гиблые места...

* * *

Звонок неизвестной женщины застал Астру в прихожей. Она собиралась на прогулку в Ботанический сад. Благо, жила неподалеку – пешком до сада каких-нибудь полчаса. Середина октября в этом году выдалась тихая, ясная и золотая. Деревья с шорохом роняли листья на мокрую от ночной росы траву. Рябины стояли красные, горящие на солнце...

– Госпожа Ельцова? Мне посоветовали обратиться к вам, – раздался в трубке женский голос. – Один влиятельный человек, которому вы помогли в весьма щекотливом деле. Он дал мне ваш телефон...

– Кто?

– Простите, но он пожелал сохранить инкогнито. Это его право.

Астра недовольно хмыкнула:

– Допустим...

– Вы ведь расследуете всякие... необычные случаи? Вы... экстрасенс?

– Не пользуйтесь слухами. Мои методы ничем не лучше традиционных.

– Нет, лучше! Лучше! – горячо возразила дама. – По крайней мере, вы гарантируете конфиденциальность.

– По мере возможности. Кстати, вы до сих пор не представились.

⁸ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

– Я не хочу делать это по телефону.

– Вот как?

– Вы не поняли, – она перешла на шепот. – Я очень боюсь! Телефонная связь ненадежна...

– По-моему, вы стгущаете краски.

– Я очень прошу выслушать меня! – уловив в тоне Астры холодок, взмолилась женщина. – Я не могу больше ни с кем посоветоваться, ни к кому обратиться! Мне... ужасно страшно... Если можно, давайте встретимся...

– Право, не знаю. Разве что завтра вечером...

– Это срочно! Я не могу ждать до завтра!

– Ну хорошо, – сжалась Астра. – Где вам удобно?

Она не любила анонимных рекомендаций, но в голосе, доносившемся из трубки, сквозило отчаяние. А она как раз искала, чем бы заняться. Ее ум застоялся от скуки, а творческая энергия требовала выхода. Частный сыск давал пищу первому и точку приложения второму. Да и Матвею необходимо отвлечься от тяжелых мыслей. Новое расследование – отличное лекарство от скуки и депрессии.

– Вы согласны? – обрадовалась дама.

– Пока обещаю только встречу и разговор. Сможете подъехать к Ботаническому саду?

– Конечно. Когда?

– Прямо сейчас. Я буду ждать на центральной аллее... – Астра описала свою внешность, прибавив: – Я надену светлое полупальто и фисташковую шаль.

– А меня вы узнаете по густым выющим волосам...

Дама, которой она назначила встречу, не заставила себя ждать. Астра не успела пройтись в глубь аллеи и обратно, как увидела торопливо шагающую женщину, высокую и тонкую, с гривой смоляных кудрей. Никакой другой приметы и не стоило называть – мелкие завитки волос пышно обрамляли скуластое лицо, привлекая внимание к их владелице. Ее смуглая кожа и широкий разрез глаз выдавали в ней присутствие южной крови.

– Я примчалась на такси, – сказала она после торопливого приветствия. – Слава богу, не было пробок. Я так рада, что вы не отказали мне...

Темная куртка, сумочка на плече, брюки в обтяжку и короткие сапожки делали ее похожей на подростка, хотя держала она себя как зрелая женщина. Вблизи мелкие морщинки в углах губ и на лбу выдавали ее возраст – явно не юный. Она мерзла, – то ли от волнения, то ли от пронизывающего ветра.

– Меня зовут Алевтина, – представилась она. – Алевтина Долгушина. Я работаю бухгалтером на фирме «Маркон». Мы продаем оборудование для пищевых предприятий. Может, слышали?

Астра отрицательно покачала головой.

– Да, конечно... зачем вам это? Ваш отец, кажется, занимается страховым бизнесом? Тот самый Ельцов?

– Тот самый, – улыбнулась Астра. – Вы знакомы?

– Нет, что вы! Я слишком мелкая сошка для таких знакомств. Простите, а что вас заставило... Вы действительно обладаете даром ясновидения?

– Не совсем...

– Но все же зачем вам копаться в чужом грязном белье? Рисковать? Вы не боитесь пострадать от рук преступника, который вовсе не жаждет быть разоблаченным?

Она с любопытством разглядывала Астру, мысленно прикидывая, сколько стоит ее одежда, обувь, серьги в ушах. Эти зеленые камешки – небось, изумруды? Лицо Долгушиной выражало завистливое недоумение.

– Люблю решать трудные задачки, – без улыбки объяснила Астра. – Это меня развлекает.
– Да? Собственно, мне нет дела до ваших мотивов. Главное, чтобы вы согласились мне помочь!

Она оглянулась. По аллее прогуливались молодые парочки, на скамейках кое-где сидели пожилые дамы в косынках и фетровых шляпках. Мимо, прихрамывая, прошел старик с палочкой...

– Если меня заинтересует ваша история, я попробую в ней разобраться.

– Вам не холодно? – удивленно протянула смуглянка. – А меня что-то знобит...

Ее щеки, раскрасневшиеся от быстрой ходьбы, побледнели, нос заострился. Излишне полные губы и низкий лоб слегка портили ее своеобразную красоту.

– Может, выпьем по чашечке кофе?

– Нет-нет! – дама вновь оглянулась. – Лучше поговорим здесь, на воздухе. Сейчас... я только отдышусь немного.

Казалось, она тянет время, проверяя, не увязался ли кто-нибудь за ней. Астра невольно напряглась и тоже оглянулась.

– Вы ничего не чувствуете? – нервно спросила Долгушина.

– Что я должна чувствовать?

– Угрозу... чужой взгляд... будто бы за нами наблюдают...

– Да нет вроде...

– Давайте свернем вон туда! – она показала рукой в гущу кустов с бордовыми листьями.

Астра пожалела, что не взяла с собой Матвея. Черноволосая дама вызывала у нее безотчетные опасения. Однако страсть к приключениям пересилила здравый смысл. Они повернули на боковую дорожку и зашагали в глубину сада. Здесь было пустынно, только шумел в зарослях ветер да перекликались птицы, клюющие ягоды жимолости.

– В чем состоит ваша проблема? – не удержалась Астра. – Вы говорили, что боитесь. Кого или чего?

Смуглянка замедлила шаг и плотнее обмотала шею шарфом. Ей было все так же зябко.

– Я работаю в фирме «Маркон», – повторила она. – До последнего времени мне все нравилось: и зарплата, и сотрудники, и отношение начальства... После скитаний по разным забегаловкам, где меня заставляли покрывать махинации нечистых на руку руководителей, «Маркон» казался мне раем. Там, конечно, тоже практикуют левые заработки и пользуются обходными путями для уменьшения налогов, но откровенно, внаглую, законодательство не нарушают.

– Стараются держаться в рамках приличий?

– Ну да. Это уже немало. У меня две бывшие сокурсницы по институту угодили за решетку. Бухгалтерия бывает сопряжена... впрочем, вы и сами знаете, как у нас порой ведут бизнес. Урвать побольше и скрыться подальше. Хозяин с денежками убежит за бугор, а бухгалтер с наемным директором отдуваются. Я не хочу в тюрьму, но и без работы остаться – тоже не сладко...

Астра разочарованно вздохнула.

– Экономические преступления – не мое амплуа, – сказала она, глядя на Долгушину снизу вверх. На каблуках та была намного выше. – Я ведь по профессии актриса. У меня художественная натура, далекая от цифр и финансовых афер. Пожалуй, вы обратились не по адресу.

Смуглянка зашла вперед и остановилась, с умоляющим видом прижимая руки к груди. Сквозь тонкую сеточку перчаток ее пальцы и ногти казались голубоватыми в тенистом сумраке сада.

– Вы не поняли! Речь не идет о бухгалтерии... хотя о ней тоже, но... выслушайте меня до конца!

Астра приготовилась к длинному заведомо скучному монологу, пересыпанному финансовыми терминами. Куда деваться? Раз пришла, надо позволить человеку высказаться. Иначе

совсем некрасиво получится. Недаром она сегодня видела в «венецианском зеркале» пустоту... ее не ждет ничего, кроме напрасной траты времени...

Она очнулась от раздумий на обрывке фразы Долгушиной:

– ...в общем, я с удовольствием выполняла все поручения своего шефа! В том числе те, которые не касались моих непосредственных обязанностей.

– Вы имеете в виду...

– Не постель, нет! – тряхнула кудрями смуглянка. – Он оказывал мне знаки внимания... но не больше, чем остальным молодым сотрудницам.

– Простите, сколько вам лет?

– Двадцать восемь...

– А вашему шефу?

– Тридцать четыре... было...

– То есть?

– Так я же к этому и веду! Он умер! – выпалила Долгушина. – Понимаете? Взял и... умер! Здоровый, не старый еще человек!

– Совсем не старый, – подтвердила Астра. – Что же послужило причиной смерти?

– Черная магия... – выпучив и без того большие глаза, прошептала бухгалтерша. – Или гипноз!

– Вы шутите? Может, человек просто внезапно захворал...

Долгушину будто прорвало:

– Сразу после той вечеринки?! У нас был корпоратив, и мне поручили организовать любительский спектакль. Я с ног сбилась, подыскивая актеров среди сотрудников...

Глава 4

На душе у Матвея кошки скребли. Отношения с Астрой были запутаны, словно в них присутствовала какая-то интрига, которую ни он, ни она не могли распознать. Хрупкое равновесие – вот все, чего они достигли в своей любви-дружбе. Ни он, ни она не искали развлечений на стороне, но, оставаясь наедине, ощущали как будто нехватку воздуха, кислорода, питающего огонь чувств. Они словно подошли к некому порогу, к некой наглухо закрытой странице своего прошлого или будущего, куда не в силах были заглянуть...

Зато канувшая в Лету эпоха лихих Петровских реформ, великого и ужасного преобразования России, просто ломилась в его сознание, как река в половодье, затапливающая пойму. Но ведь именно этот разлив воды и дает почве плодородие...

«Какие ростки должно пробиться в моем уме? – ломал голову Карелин. – Какой плод должен созреть?»

Временами жизнь овейного легендами шотландского дворянина и русского графа Якова Брюса казалась ему реальнее нынешней – сумбурной и бесцельной. Брюс знал, к чему следует стремиться, и унес свою тайну в могилу. «Но кто же тогда говорит во мне его голосом? – недоумевал Матвей. – Откуда приходят ко мне его мысли? И что есть смерть? Конец, начало или продолжение?»

Он сидел в своем рабочем кабинете, без всякого интереса проглядывая бумаги. Конструкторское бюро «Карелин» процветало – количество заказов росло, квалификация сотрудников – тоже, на прибыль было грех жаловаться. Как ни странно, даже в этом Матвей усматривал незримую поддержку графа, который преуспел не только в ратном деле, но и во многих науках – математике, оптике, астрономии, географии, минералогии, медицине... Библиотека Брюса состояла из книг на четырнадцати языках!

Дело дошло до того, что Матвей раздобыл портрет графа – в пышном напудренном парике, в блестящих латах, с орденской лентой через плечо, с прямым и требовательным взглядом. Правой рукой Брюс опирался на зияющее жерло пушки – ведь он являлся фактически создателем и главнокомандующим всей российской артиллерии. Карелин не решился водрузить портрет на стол и держал его в закрытом ящике. Выдвигая ящик, он долго всматривался в черты этого любимца царя Петра с немим вопросом: «Чего ты хочешь от меня?»

Вот и сегодня он в раздражении отодвинул от себя чертежи и достал из ящика портрет фельдмаршала Брюса. Тот все так же сурово уставился на Матвея в необъяснимом ожидании.

– Я сам себя накручиваю! – разозлился он, резко встал, подошел к окну, распахнул створку и подставил лицо влажному ветру. – Заразился от Астры болезненными фантазиями! Немудрено. Черт! Подхватить безумие легче, чем вирус гриппа...

Внизу, на парковочной площадке, усыпанной палыми листьями, стоял его черный «Фольксваген-Пассат». Неподалеку прогуливалась женщина в коротком меховом мантио. Он тотчас же узнал ее. Это была роскошная, великолепная Лариса Калмыкова, его бывшая любовница...

* * *

Ветер крепчал, срывал желтые платья берез и швырял на траву, на дорожки сада, под ноги гуляющим. Один лист запутался в шарфе Алевтины Долгушиной – она этого не заметила, увлеченная рассказом.

– Не так-то просто оказалось устроить вечеринку, чтобы не только всех накормить, но и развеселить. Мне пришлось самой составлять сценарий, подбирать ведущую, разучивать роли...

– По какому поводу решили собраться? – спросила Астра.

– Мы отмечали пятилетний юбилей фирмы. Раньше этот бизнес вели два партнера, потом Тетерин захотел отделиться и создал «Маркон». Дела пошли гораздо лучше, у него чрезвычайно креативное мышление! Было...

Астра поморщилась. Подобные словечки вызывали у нее внутренний протест. Почему непременно *креативное*? Почему бы не сказать «творческое», например?

– Тетерин – ваш шеф?

– Хозяин и руководитель в одном лице, – кивнула Долгушина. – Владислав Алексеевич. Умный, интересный, успешный и... женатый. Жена – обыкновенная ревнивая клуша, сидит дома и закатывает ему скандалы. Нет чтобы куховарить и детей воспитывать, так она лезет в каждую дырку... Ой! – запоздало спохватилась бухгалтерша. – Я, кажется, лишнее болтаю!

– Вы говорили о любительском спектакле...

– Да-да... именно во время того дурацкого представления все и произошло...

– Что за спектакль вы играли?

– Сущую ерунду. Я неправильно выразилась... то был не спектакль, а шуточная сценка... «Баба Яга – костяная нога»!

Астра подумала, что ослышалась.

– Как вы сказали?

– Ну, Владислав Алексеевич попросил придумать смешное представление на тему создания фирмы, происков конкурентов и все такое прочее... в духе русской народной сказки. Он очень юморной... был... – Долгушина запнулась и облизнула покрашенные вишневой помадой губы. – Баба Яга олицетворяла нечистую силу... словом, противодействовала Ивану-царевичу, строила козни, из кожи вон лезла, чтобы ему насолить...

– ...а он все равно победил! – подхватила Астра. – И добро восторжествовало! Так?

– Ага...

– Под Иваном-царевичем, конечно же, подразумевался Тетерин? А под Бабой Ягой – его скандальная супруга?

– Нет-нет! – покачала головой бухгалтерша. – Баба Яга – это была главная конкурентка... бывшая партнерша Тетерина по бизнесу. После раздела она будто с цепи сорвалась. Чего только не испробовала, лишь бы вытеснить «Маркон» с рынка, переманить у нас покупателей. Думаю, она до сих пор не успокоилась. Она могла обратиться к любому колдовству, с нее станется!

– Постойте... так это – женщина?

– Да. Разве я не сказала? Леонора Витольдовна на все способна...

Астра незаметно огляделась по сторонам. Ей казалось, кто-то крадется следом за ними, шуршит, задевая в зарослях ветки. Алевтина же, напротив, как будто успокоилась.

– И что сделала вашему шефу эта Леонора?

– Как что? Убила его!

– Не понимаю. Прямо на корпоративной вечеринке?

– Разумеется, нет. Она не полная дура! Она все умело подстроила... а сама осталась в тени. За кулисами! Поди, докажи ее соучастие! Она подговорила нашу Марину...

– Погодите, – остановила Астра бухгалтершу. – Я запуталась. Кто такая Марина?

– Секретарша Тетерина... Марина Михайловна. Болтали, что она водит дружбу с Леонорой, и шеф хотел ее уволить из-за этого. Марина, естественно, все отрицала. Открещивалась, как могла! Сначала он был настроен решительно, потом как-то поостыл... и Марина по-прежнему работает на нашей фирме. Она отлично знает делопроизводство, а это очень важно... Так вот, никто не хотел играть Бабу Ягу! Остальные роли я худо-бедно распределила между сотрудниками, а от Бабы Яги все отказывались. Знаете, как случается в небольшом коллективе: приклеится какое-нибудь прозвище, попадет на язык острословам – спасу не будет. Перспектива прослыть Бабой Ягой никому из наших дам не понравилась. Мужчины тоже заняли глухую оборону. Стать надолго посмешищем среди своих коллег их не прельщало. В общем, вопрос о Бабе Яге стал камнем преткновения... И тут мне на помощь пришла Марина! Совершенно неожиданно. Обычно ее не интересовали подобные мероприятия, она терпеть не могла всякие «капустники» и самодеятельные номера. Присутствовала на них только из вежливости, чтобы не портить отношений с Тетериным...

– Это он у вас – инициатор любительских выступлений?

– Он! – энергично кивнула Алевтина. – Будучи студентом, шеф обожал КВН, и был членом университетской команды. Идея разыграть сценку с Бабой Ягой пришла ему в голову накануне юбилея... Честно говоря, я ужасно обрадовалась, когда Марина предложила пригласить на роль Бабы Яги свою приятельницу. Согласилась без раздумий! Теперь жалею...

– Вы много репетировали?

– Не очень. Времени оставалось в обрез. Я раздала всем роли и велела выучить назубок. Марина вызвалась передать приятельнице распечатку со сценарием, чтобы та ознакомилась. У Бабы Яги было несколько реплик... довольно простых, но потешных. Почти до самого начала вечеринки она не появлялась, и я забила тревогу. Марина меня успокоила. Сказала, что ее приятельница уже выучила реплики и придет на генеральную репетицию. В принципе, этого было бы достаточно. Мы сами собирались всего два раза...

На Астру нахлынули воспоминания о ее собственных студенческих годах, об учебных театральных постановках, о ролях, которые приходилось зубрить урывками, в свободное от пар время, о жутком волнении будущих актеров перед выходом на сцену...

У бухгалтерши из «Маркона», похоже, открылось второе дыхание, она говорила без умолку:

– Последнюю репетицию мы провели за день до корпоратива. Все с нетерпением ожидали Бабу Ягу... то есть приятельницу Марины. Она появилась... и произвела настоящий фурор! Вы бы ее видели... Вся в черном, в шляпе с густой вуалью, как будто она сглазу боялась. Настоящая ведьма...

Эти слова госпожа Долгушина произнесла почему-то шепотом. Она сама обладала недюжинными актерскими данными, выразительно представляя все в лицах...

– Знаете, как она представилась? Донна Луна! Мы решили, что тетенька прикалывается... Ан нет! Никакого другого имени эта странная женщина не назвала, и нам пришлось обращаться к ней в том же духе. Зато роль Бабы Яги она действительно выучила и сыграла на репетиции без запинки. Я была довольна. Плевать, думаю, на ее причуды! Тетка – из невос-

требуемых актрис как пить дать... соскучилась по сцене, а творческие личности все немного с приветом. Главное – представление состоится, и Баба Яга получится классная. Креативная!

– Сколько ей примерно можно дать лет? – спросила Астра.

– То-то и оно, что сколько угодно... и тридцать, и сорок, и пятьдесят... Мы же ее без вуали не видели! По голосу возраст не определишь. А фигура у нее обыкновенная... средней упитанности... и росточек средний... вот как у вас...

Долгушина отступила на шаг и сбоку пристально уставилась на Астру.

– Если бы вы напялили долгополую хламиду, шляпу и все прочее... хм! Ей-богу, вы с ней похожи...

– Да ладно!

– Клянусь! – театрально взмахнула руками бухгалтерша. – Не сойти мне с этого места! Тьфу-тьфу! – суеверно сплюнула она. – Нельзя разбрасываться такими фразами. Еще накараю...

– Разве во время представления Баба Яга не должна была выйти к зрителям в соответствующем костюме и гриме? Где она переодевалась, красилась?

– Для этого мы специально отвели маленькую комнатку – бытовку, где сотрудники, которые не хотят питаться в кафе, обычно пьют чай.

– Вы устраивали вечеринку в помещении фирмы?

– Да, мы всегда так делаем. Можно прекрасно повеселиться без лишних затрат. Для таких торжественных случаев у нас есть банкетный зал, очень уютный. Посуда у нас своя, еду мы заказываем в соседнем ресторане, – у нас скидка, как у постоянных клиентов, – выпивку покупаем по оптовым ценам...

В ней заговорила профессиональная привычка экономить каждую копейку. Астра со скепсисом выслушала все преимущества вечеринок в офисе. Кому что нравится!

– Я лично приготовила костюм для этой... чудаковатой дамочки, – продолжала Долгушина. – Растолковала ей, что вместо грима проще будет надеть маску Бабы Яги, которую я приобрела! И оставила готовиться к выступлению. По сценарию Баба Яга выходит на сцену самой последней, когда все артисты уже задействованы... Не следить же мне было за ней? Я замоталась, забегалась, понадеялась на ее сознательность... Взрослый же человек! Не ребенок!

Бухгалтерша набрала воздуха и разразилась новой тирадой. Ее все сильнее охватывало возбуждение.

– Представьте мою физиономию при виде этой Бабы Яги! Как будто я ничегошеньки ей не объяснила! Выкатилась на всеобщее обозрение в своих черных тряпках, как та ворона! Правда, без шляпки с вуалью... а в маске, как ее просили. Но что это была за маска?! Жуткое подобие лица, ослепительно пылающее... Ее маска состояла из кусочков зеркала, плотно наклеенных, состыкованных друг с другом. Эффект при направленных на сцену софитах – ужасающий! У многих слезились глаза... Я была вне себя от возмущения! Но что уже поделаешь...

– Весьма *креативный* подход к роли, – не преминула поддеть ее Астра. – Истинно новаторский.

– Между прочим, шеф пришел в восторг...

– Видите, хоть кому-то Баба Яга угодила.

– Вы послушайте, что было дальше! Вместо положенных по сценарию реплик она понесла сущую ахинею... я даже не могу припомнить, какую чушь она молотла! Мы все оцепенели...

– Кто, конкретно?

– Ну я... – с недоумением уточнила Алевтина. – И другие тоже... Правда, не все, – вынужденно признала она. – Кроме артистов, никто не обратил особого внимания на художества этой мадам. Они ведь не знали сценария и реплик, которые та должна была произносить! Вероятно, все подумали, что так и надо... в том числе и Тетерин. Но заключительная фраза Бабы Яги – это было нечто! У меня волосы зашевелились на голове! Представьте, она подошла к самому

краю сцены, уставилась на шефа и протянула замогильным голосом: «Смотри на меня неотрывно и выполняй то, что повелит тебе моя мысль...»

– Так и сказала?

– Дословно! Я собралась было вмешаться, но тут на выручку пришел Иван-царевич... то есть артист, играющий его роль. Он заполнил возникшую паузу какими-то прибаутками... начал хохотать, дурачиться... оттеснил Бабу Ягу к декорациям, и она закончила свое выступление... Все зашумели, принялись хлопать. Люди устали, им хотелось выпить, закусить... словом, артистов проводили бурными аплодисментами...

Долгушина оглянулась на шумную возню в кустах и вся внутренне подобралась. Через минуту на дорожку с диким мяуканьем выскочили два полосатых кота и помчались прочь.

– Их кто-то спугнул...

– Они просто воюют за территорию, – возразила Астра. – Дерутся!

Отчаянный кошачий вопль подтвердил ее версию. Смуглая дама вздохнула с облегчением. Она усиленно изображала страх, которого на самом деле не испытывала. Астра молча шагала, глядя себе под ноги. От молодых елок остро пахло хвоей и застывшей на стволах смолой.

– Вы хотите сказать, что господин Тетерин пострадал из-за фразы Бабы Яги, прозвучавшей в конце выступления?

Ее вопрос заставил Долгушину остановиться и поправить обмотанный вокруг шеи шарф с блестками.

– Если бы только пострадал... я бы не морочила вам голову. Он умер! Вы понимаете?! Умер! Буквально на следующий день... нет, постойте... вечеринка была в пятницу... а после выходных Владислав Алексеевич не пришел в офис. Он позвонил и сказался больным. Болезнь прогрессировала, и в течение недели шеф... скончался. Вам это не кажется странным?

– Мягко говоря, – кивнула Астра. – Вы подозреваете, что Баба Яга владеет гипнозом и мысленно приказала человеку умереть? Это очень сильный гипноз, смею вас уверить. Будь все так просто, киллеры остались бы без работы.

– Вы мне не верите, – обиделась бухгалтерша. – Зря я на вас рассчитывала. Думала, вы настоящий экстрасенс... а вы...

Ее обида, как и страх, выглядела слегка фальшиво. Астра не понимала, чего та добивается, и в ней проснулся интерес.

– Что вами движет, Алевтина? – прямо спросила она. – Вы хотите разоблачить Бабу Ягу... то бишь, как там ее?

– Донну Луну...

– Ага, Донну Луну. Отлично. Она пришлась вам не по вкусу! Вы собираетесь обвинить ее в убийстве господина Тетерина? Боюсь, ничего не получится. Кстати, каков официальный диагноз?

– Скоротечная пневмония, – потупилась бухгалтерша. – Шеф сделал мне много хорошего... взял на фирму, исправно платил, доверял, давал премии. За ним я чувствовала себя как за каменной стеной. Мой долг – наказать убийцу! – запальчиво воскликнула она. – Тем более, что он... она!.. эта ведьма... появилась на вечеринке с моей подачи! Она разрушила мое благополучие! Теперь неизвестно, что будет с «Марконом», со всеми сотрудниками... И это все из-за меня!

– Кажется, вы перехватываете инициативу у секретарши Тетерина...

Лицо Долгушиной на миг просветлело – и снова омрачилось.

– Донна Луна сразу вызвала у меня недоверие. Откажись я от ее участия в представлении... ничего бы не случилось. Марина только предложила задействовать ее, а я...

Она горестно покачала головой. Астра готова была поклясться, что бухгалтерша безуспешно пытается выдавить слезы.

– Почему вы не поговорили с секретаршей, не расспросили ее об этой приятельнице?
– Кто вам сказал, что не расспросила? – вскинулась Алевтина. – Еще как расспрашивала! Только Марина сама ничего толком не знает. Оказывается, они с Донной Луной познакомились случайно...

– Каким образом? Где?

– В сквере. У Марины собака – такса по кличке Руди. Она дважды ее выгуливает, утром и вечером. На одной из таких прогулок им встретилась чудаковатая дамочка с собачкой. Знаете, собачники обожают болтать про своих питомцев! Вот на этой почве Марина и сошлась с Донной Луной... они стали встречаться в сквере, вместе прогуливаться, обсуждать собак.

– У Донны Луны есть собака?

– Конечно, раз она с ней гуляет! Пудель, светло-коричневый, подстриженный, ухоженный, все чин-чином...

– Выходит, эта женщина живет где-то поблизости от вашей Марины?

– Логично, – согласилась Долгушина. – Никто не станет таскаться с собакой за тридевять земель. Только вот незадача! С тех пор, как Донна Луна сыграла у нас на вечеринке роль Бабы Яги, Марина ее больше не видела. Дамочка как в воду канула!

– А пудель?

– Пудель тоже исчез.

– Его перестали выгуливать?

– Скорее всего, собаку водят в какое-то другое место. От греха подальше. Донна Луна знала, что делала, когда произносила те жуткие слова! У нее рыльце в пушку! Иначе чего бы ей прятаться?

– По-вашему, она прячется?

Бухгалтерша нервно поправила шарф и оглянулась.

– А куда она могла деться? Переехала, что ли? То дефилировала с собачкой по скверу, а то днем с огнем не сыщешь! Марина тоже удивлена. Она уже успела привязаться к этой Донне Луне... Говорю вам, ведьма она! Даже Марину сумела приворожить к себе.

Астра поежилась. Здесь среди елей было тенисто, сумрачно... от земли тянуло сыростью. Или это пробирал холод от Донны Луны? Довольно зловещий образ нарисовала госпожа Долгушина...

– Тогда, после выступления, артисты переоделись и продолжали веселиться?

– Ну да, – подтвердила бухгалтерша. – Все, кроме Донны Луны! Она ушла со сцены – и поминай как звали. Прошмыгнула через толпу сотрудников фирмы к выходу – и с концами... Никто не заметил, как она уходила. Я потом приставала чуть ли не к каждому... но все без толку. Многие уже были под градусом, да и вообще особо не следили, кто, где и чем занимается...

Глава 5

Женщина резко повернулась, и Матвей понял, что не обознался. Это Лариса... По-прежнему привлекательная, стильная, благоухающая китайской магнолией и марокканской розой. Те же тщательно уложенные волосы, те же немыслимые каблуки, тот же перебор с духами...

– Лара? Что ты здесь делаешь?

– Тебя поджидаю, – не растерялась она. – Неужели трудно догадаться?

– Я догадался...

– Тогда не задавай глупых вопросов!

Ее манеры не изменились, как, вероятно, и характер. Она уже не могла обмануть Карелина напускной светскостью. Когда отпадала необходимость в заученном этикете, Лариса становилась особой весьма бесцеремонной, напористой и давала волю своему необузданному темпераменту. Эгоизм – вот что руководило ею. Эгоизм во всем – начиная с денег и заканчивая сексом. В любых обстоятельствах госпожа Калмыкова в первую очередь заботилась о себе и делала это с таким искренним удовольствием, что становилось как-то неловко упрекать ее...

Она откровенно любовалась Матвеем, скользя плотоядным взглядом по его поджарой тренированной фигуре.

– Обожаю мужчин, с которыми можно смело надевать высокие каблуки, – произнесла она, делая шаг навстречу ему. – Рядом с тобой, милый, я не выгляжу каланчой. Это счастье! Какие у тебя мышцы... м-ммм! Угадываются даже под курткой. И на животе ни грамма жира! Не то, что у Калмыкова... Ты не представляешь, каким он стал рыхлым, какой курдюк отрастил... – Брезгливая гримаса пробежала по ее безукоризненно накрашенному лицу; губы, покрытые помадой в тон свитера, скривились. – Скажи, неужели все мужчины к пятидесяти годам становятся импотентами, желчными ворчунами и скрягами?

– Насколько мне известно, Калмыков и смолоду не был половым гигантом...

- А теперь он совершенно не способен удовлетворить женщину!
- Тем более такую, как ты, – усмехнулся Матвей. – Это не каждому по плечу.
- Ну, тебе удавалось...

Она опустила глаза, изображая стыдливость. Чего-чего, а чувства стыда Лариса, пожалуй, сроду не испытывала. Как и любви к ближнему. Людей она рассматривала исключительно сквозь призму пользы, которую они могли принести лично ей.

- Чем обязан твоим визитом? – нахмурился он.
- Хочу поговорить кое о чем...
- Надо было позвонить. Сейчас я не смогу уделить тебе много времени...

– Не узнаю тебя, Карелин, – рассердилась она. – Джентльмены так не поступают! А ты всегда отличался хорошими манерами. Потому-то я и увлеклась тобой. Я ведь тоже разборчива!

- Ладно... садись в машину...

– Пообедаем вместе? – обрадовалась Лариса. – Ты все же не равнодушен ко мне, признайся!

Он галантно открыл перед ней дверцу «Пассата». Салон тут же наполнился ее восторженной болтовней, густым запахом ее духов. Матвей с трудом выдержал полчаса, пока они добирались до диетического ресторана «Грация».

– Здесь отлично кормят, – по пути убеждала его бывшая любовница. – Вкусно и с минимумом калорий!

Они выбрали столик, над которым висел овощной натюрморт, по-видимому, пропагандирующий идею здорового питания. Тощая долговязая официантка принесла им свежавыжатый грейпфрутовый сок. Она обращалась к Ларисе как к постоянной посетительнице.

- Вам как всегда?

Та милостиво кивнула.

- А господин Карелин пока почитает меню...

– Умеешь ты строить из себя барыню, – заметил Матвей, когда девушка отошла. – Что за пошлый снобизм?

- Положение обязывает.

«Какое положение? – едва не вырвалось у него. – Жены Калмыкова? Это даже не титул! Сама-то ты ничегошеньки не достигла в жизни. Пообтерлась в столице при муже-бизнесмене и задираешь нос...»

Он благоразумно промолчал, изучая перечень малокалорийных блюд. Ну и обед ему предстоит! От одних названий аппетит пропал.

- Что ты выбрал?

– Овощное рагу и паровые котлеты из телятины... – уныло пробормотал Матвей. – Терпеть не могу мясо, приготовленное на пару!

– Надо беречь печень и желудок, – назидательно произнесла Лариса. – Калмыков объедается жареным и сладостями и уже довел себя до ручки. Напьется пива, а потом глушит таблетки... У него от этих таблеток весь организм отравлен. Они, наверное, ему на мозги действуют... Лекарства – это яд! Он медленно травит себя... вместо того, чтобы сесть на диету...

Он терпеливо слушал про болезни Калмыкова вплоть до возвращения официантки. Лариса наконец замолчала, занявшись едой. Она мгновенно преобразилась, вспомнив о правилах хорошего тона. С нее можно было брать пример изящного обращения со столовыми приборами.

Матвей ломал голову – зачем она притащила его сюда. Как пить дать, соскучилась и решила снова возобновить отношения. Интимные, разумеется. Время от времени она предпринимала такие попытки. Интересно, какой предлог для встречи Лариса заготовила на сей раз?

– Мне нужна твоя помощь, – заявила она, ковыряя вилкой фаршированную свеклу. – Надеюсь, ты не откажешь... по старой памяти... Нам ведь было хорошо вдвоем?

– Что случилось?

– Меня беспокоит Калмыков... с ним творится нечто... невообразимое...

– Опять подозреваешь его в маниакальной страсти к убийствам? Помнится, твои прежние страхи оказались совершенно необоснованными. По-моему, все гораздо проще. Калмыков переживает переломный период, это бывает в жизни каждого мужчины, достигшего полувеккового рубежа. У него ломка... нервы обострены, здоровье оставляет желать лучшего, бизнес требует сил, а они уже не те, что раньше.

– У него появилась любовница! – глаза Ларисы расширились и потемнели.

Матвей рассмеялся:

– Вот удивила. Что тут особенного? Ты себе тоже не отказываешь в любовных приключениях.

– Ты не понимаешь! Калмыков не способен к сексу! Абсолютно!

* * *

Между тем Астра все еще прогуливалась по Ботаническому саду в обществе Алевтины Долгушиной...

– Почему же вы сразу не отказались от услуг той женщины, если она вам не понравилась?

– Я боялась провалить задание шефа, – призналась чернявая бухгалтерша. – Без Бабы Яги было не обойтись! Где искать замену? Да и поздно... До вечеринки оставались считанные дни.

– Подошли бы к этой вашей Марине, навели бы справки о даме под вуалью. Кто в наше время носит вуаль?

– Я спрашивала у нее, – оправдывалась Долгушина. – Марина разозлилась и обозвала меня неблагодарной. Мол, поступай как хочешь! Раз тебе не подходит моя приятельница, сама играй Бабу Ягу! Я ее спрашиваю: «Что у нее за имя такое, Донна Луна?» А она говорит, что сейчас модно заковыристые сценические псевдонимы придумывать: чем нелепее, тем круче. И одеваться чудаковато тоже модно. Артисты не терпят обыденности, тривиальности – как в одежде, так и в поведении. Они-де живут по другим канонам! Богема!

– Вообще-то да...

– Ну, я все взвесила... и рискнула доверить роль этой Донне Луне. Разве у меня был выбор? Не самой же переодеваться в лохмотья и цеплять на голову косматый седой парик? – она обратила на Астру свои большие глаза, обрамленные смоляными ресницами, и притворно вздохнула. – Посудите, что мне оставалось делать?

– Действительно, положение безвыходное, – иронически усмехнулась та.

– Я же и помыслить не могла, чем все кончится!

– Значит, вы безоговорочно связываете смерть своего шефа с выступлением Донны Луны... вернее, с ее гипнотическим воздействием?

– А с чем мне еще связывать внезапную болезнь и кончину молодого, полного сил человека? Если это не так, я хотя бы успокоюсь! Жить под бременем вины жутко тяжело...

При всей выразительной мимике и скорбной интонации Долгушина не походила на истерзанную чувством вины женщину.

– От меня-то что требуется? – не выдержала Астра. – Установить истинную причину смерти господина Тетерина? Вывести Донну Луну на чистую воду? Или, напротив, реабилитировать ее, а, следовательно, и вас?

– Найдите эту... ведьму! Не испарилась же она, в самом деле?

Мимо них торопливо прошла молодая пара – парень и девчонка в джинсах, в ярких курточках и бейсболках. Бухгалтерша замолчала, провожая их настороженным взглядом.

– Вы кого-то боитесь?

– Вы бы на моем месте тоже боялись! – выпалила Долгушина. – Мне повсюду мерещится черная тень этой Донны Луны, которая крадется за мной...

– Скажите, тогда, во время представления, вы где находились? В зале?

– Ясно, что в зале. Сидела за столиком, как и все. Рядом с Тетериным... покойным... Только поближе к сцене. Я ужасно переживала за артистов, из-за того, как они выступят, как шеф отреагирует.

– Что вы называете сценой?

– Специальный помост, предназначенный для таких случаев. Иногда мы приглашаем на вечеринки музыкантов, и они там устанавливают свою аппаратуру, инструменты...

– Понятно. Донна Луна подошла к краю помоста, когда произносила те слова?

– Да, к самому краю, и встала как раз напротив Тетерина... То есть она сознательно его выбрала мишенью для... для колдовства!

– Гипноз – не колдовство. Если это был гипноз.

Смуглое лицо Долгушиной покрылось красными пятнами. Она отпрянула и с возмущением произнесла:

– Вы меня за идиотку принимаете? По-вашему, я тут комедию ломаю? Между прочим, Баба Яга отлично вошла в роль, она будто саму себя играла! У меня мороз по коже пошел, когда она затянула: «Смотри на меня неотрывно...» Между прочим, я посмотрела... Если хотите знать, я глаз не могла оторвать от ее черных зрачков! Маска сверкала, у меня слезы текли градом, а я все смотрела и смотрела... Как вы думаете, на меня ее ворожба тоже... могла подействовать?

– Но вы же до сих пор живы, – улыбнулась Астра. – Когда была вечеринка?

– Две недели назад... Мало ли что? На всех гипноз влияет по-разному... На одних сразу, на других позже...

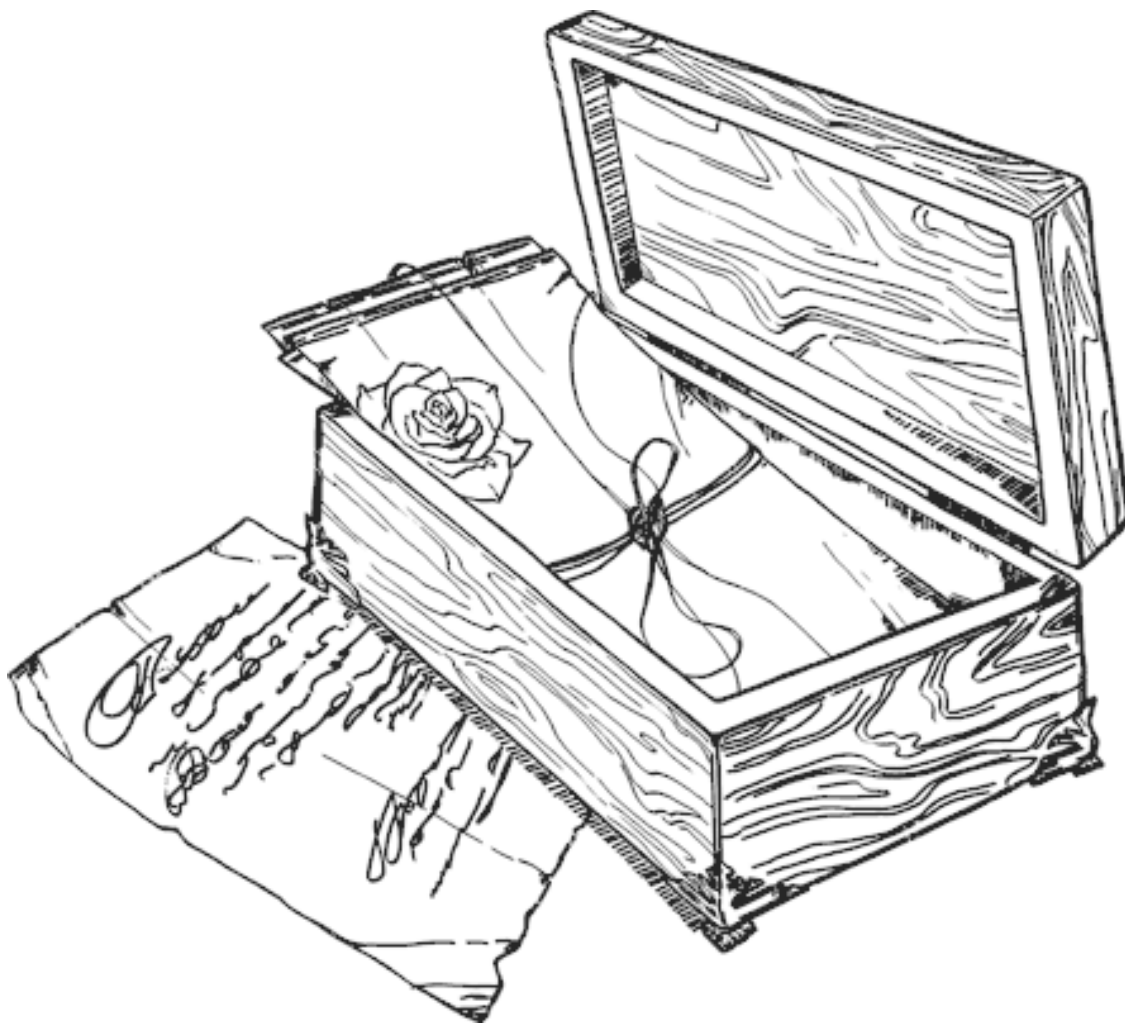
Теперь она волновалась по-настоящему, Астра это почувствовала.

– Хорошо, я попробую отыскать эту Донну Луну. Но мои услуги стоят дорого.

Ей хотелось проверить, сколько денег готова истратить бухгалтерша фирмы «Маркон» на частное расследование. Судя по внешнему виду, она не богата. Хотя... внешний вид бывает обманчив.

– Я заплачу, – уверенно заявила смуглая дама. – Сколько скажете. У меня есть сбережения. Если я умру, деньги мне не понадобятся...

Глава 6

Москва. Август 1917 года

Ольшевский купил эти письма на Кузнецком у махонькой сгорбленной старушки. Его не заинтересовала шкатулка из темного дерева, похожая на сундучок, которую она держала в руках. Скользнул взглядом и отвернулся. Старушка робко тронула его за рукав.

– Возьмите, сударь... мне больше нечего продавать...

Она казалась такой несчастной, неприкаянной, что он ощутил угрызения совести.

– Сколько? – спросил он, кивая на сундучок.

Старушка назвала сумму. Ольшевский прикинул, хватит ли на книги, и полез в карман. Хорошие манеры, как, впрочем, и многое другое, отошли в прошлое. Он был ученым, знал несколько языков, писал труды по германской филологии. Кому теперь все это нужно? Нынче все германское стало, мягко говоря, непопулярным. За одно упоминание об этих познаниях его запросто побить могут.

Затяжная война на Западном фронте обозлила людей. Сотни калек возвращались из госпиталей и просили милостыню на церковных папертях. Армия роптала... Народ, подстрекаемый революционерами, устраивал митинги и забастовки. Повсюду стало неспокойно. Из северной столицы приходили тревожные вести. Фабрики и заводы останавливались. Деньги

обесценились, продовольствия не хватало... Участились грабежи и случаи разбойных нападений на граждан. Надвигалась тяжёлая голодная зима. Никто не знал, что будет дальше...

– Спасибо, сударь, – прослезилась старушка, пряча деньги за пазуху поношенной кофты. – Дай вам Бог удачи!

В том, что она пожелала ему не здоровья, а удачи, чувствовалась всеобщая неуверенность в завтрашнем дне. Ольшевский не хотел брать сундучок.

– Не надо... оставьте себе...

– Что вы, что вы! Нельзя... Мне уж на тот свет пора, а они должны жить...

– Кто «они»?

– Письма...

– Ведь вам жаль с ними расставаться, – он отвел ее руки, сжимающие шкатулку. – А мне чужие письма ни к чему. Я просто рад помочь... Простите...

– Вы должны их взять, – настаивала она. – Я даже не знаю, кому они адресованы. Возможно, они найдут того, кому предназначались...

– Мне, право, неловко будет читать чужую переписку, – отнекивался он.

– Они развлекали меня долгими годами одиночества... они заслуживают внимания, поверьте!

В ее голосе прозвучали нотки мольбы, и он сдался:

– Хорошо, давайте.

Старушка просила. Ольшевский готов был поклясться, что судьба писем волновала ее куда сильнее, чем собственная. Испытывая странное чувство вины перед ней, он поспешил скрыться в толпе. Держа сундучок под мышкой, он пробирался между торговцев. Нашел задешево нужные словари, и, довольный, вернулся домой, где его ждала работа.

– Надобно чем-то заниматься, чтобы не сойти с ума, – говорил его сосед, доктор Варгушев. – Вот я, старик, а добровольно хожу в больницу, пользую раненых. Хотя мог бы давно уехать к сестре в Крым. Она звала. У нее там морской воздух, персики, виноградник во дворе. Делал бы вино – и в ус бы не дул. Однако не то нынче время! Опасное! Подует вражий ветер, всех сметет... и нас с вами в том числе...

Что именно Варгушев подразумевал под «вражьем ветром», он не уточнял. Так он называл неведомую и грозную силу, которая клочкотала не только на фронте, в жестоких кровопролитных сражениях, но и в тылу. Император отрекся от престола. Вековые устои государства Российского вдруг поколебались, привычный порядок сменился хаосом. В Петрограде положение Временного правительства было шатким. Многие предусмотрительные люди переводили капиталы за границу, иные пустились прожигать жизнь, словно не видели впереди никакой перспективы. В среде интеллигенции царило брожение. У всех на устах было заветное и пугающее слово – «революция»...

– Вы бумажный червь, Ольшевский, – добродушно критиковал его доктор. – Скрипите пером, когда надо брать за оружие!

– Я не годен к военной службе... у меня слабые легкие...

– А вас никто не агитирует идти воевать. Но как вы собираетесь дать отпор в случае нападения грабителей? Давеча квартиру купца Филатьева, который верхний этаж снимает над нами, обчистили. Обобрали до нитки! Вы небось не слышали?

– Меня дома не было. Я в библиотеку ходил...

– В библиотеку! – смешно выкатывал глаза Варгушев. – Вы чужак, ей-богу! Не от мира сего. Вокруг земля горит, а он по библиотекам шастает. Неужто библиотеки еще открыты?

– Представьте, да! Не все... – справедливости ради добавил Ольшевский. – Я свой труд хочу закончить.

Доктор хрипло смеялся, его смех был похож на кашель.

– Не обижайтесь, милый вы мой, – вытирая выступившие слезы, извинялся он. – Вы правильно делаете. Лучшие не думать о том, что творится на улицах. Армию объявили свободной, преступников выпустили из тюрем... город наводнен дезертирами и уголовниками. Они, между прочим, вооружены... Мне-то бояться нечего, я свое пожил. А что будет со всеми вами?..

Он долго, с наслаждением живописал грядущие ужасы. Ольшевский только делал вид, что слушает. В сущности, Варгушев был прав, но что толку в правильном диагнозе, если нет средства излечить болезнь?

Отделавшись от разговорчивого соседа, Ольшевский запирался у себя и всецело предавался германской филологии.

В этот раз он начал не с книг, а со шкатулки, которую всучила ему старушка. В нем внезапно проснулся дух исследователя. Он водрузил приобретение на стол и поднял крышку...

Каково же было его удивление, когда он прикинул примерный возраст писем. Не меньше двухсот лет... Где, каким образом хранились они? Как уцелели? Кем были написаны? А главное – кому?

Ольшевский пожалел, что не расспросил старушку, как к ней попали эти исписанные английскими буквами желтые, сложенные вчетверо листы, хрупкие от времени, истертые на местах сгибов, с потрепанными краями...

Сначала он все ходил на Кузнецкий, надеясь встретить там пожилую даму или хотя бы узнать, где она живет. Но никто ее не запомнил. И сама она более не появлялась. Сколько ей было лет? Семьдесят? Восемьдесят? К какому сословию она принадлежала? В ее речи и жестах сквозило хорошее воспитание, но одежда выдавала крайнюю бедность. Раз она читала письма, то знала языки... Вероятно, она окончила Институт благородных девиц, давала уроки детям из богатых семей, учила их говорить по-французски, по-немецки, по-английски... Вероятно, была замужем, но все ее близкие умерли или уехали из охваченной волнениями России... Вероятно, она решила умереть там, где прошли лучшие годы ее жизни...

Предположения, догадки...

* * *

Москва. Наше время

Паровые котлеты были такими же пресными, безвкусными, как и рагу. Ни соли, ни пряностей, ни румяной хрустящей корочки. Матвей вяло жевал, проклиная свою слабость. Пошел на поводу у Ларисы, позволил испортить себе обед!

«Ну, погоди же, отплачу я тебе сторицей! Знаю твой чувствительный мозоль!» – подумал он и с наслаждением заговорил о Калмыкове.

– После пятидесяти у мужчин наступает вторая молодость, – с мстительной радостью заявил Матвей, глядя, как вытягивается холеное, почти без морщин, лицо Ларисы. – Они наверстывают упущенное. Твой муж – не исключение.

– Ты же сам только что говорил про переломный период...

– У всех это проходит по-разному. Последняя любовь куда безрассуднее первой. Как бы Калмыков не развелся с тобой...

– Типун тебе на язык! – возмутилась она. – У нас же ребенок, сын!

– Если мужчина влюбляется, его ничто не останавливает.

– Ты нарочно меня пугаешь...

Матвей промолчал, пережевывая кусочек котлеты. Лариса тоже молчала, осмысливая его слова.

– Я хочу выяснить, кто она! Что их может связывать?

– Есть несколько вариантов. Бывает платоническая любовь, – не унимался он. – Или роковая поздняя страсть! В зрелом мужчине вдруг вспыхивает непреодолимая тяга к юной девушке. Если верить Фрейд, редкая дочь не мечтает переспать со своим отцом. А старики охотно женятся на молодых. Таким образом они надеются возродить сексуальную функцию.

– Какая страсть? Я тебя умоляю... Калмыков и в молодости-то не горел, а тлел, как затухающий костер. Ему давно необходим допинг, чтобы хоть раз в месяц исполнять супружеский долг! Но и это становится проблемой. Лишний вес, переедание, полная гиподинамия сделали его ленивой неповоротливой тушей! Он слышать не желает о тренажерном зале или мало-мальски умеренном питании.

Матвей отодвинул тарелку и раздраженно вздохнул.

– К чему ты клонишь, Лара? Хочешь, чтобы я взял Калмыкова в свою группу? Он уже вышел из подросткового возраста. И потом, раз у него появилась любовница, все не так безнадежно...

Она со стуком бросила вилку и сплела белые, не знающие физического труда пальцы. Два золотых кольца – обручальное и перстень с топазом – были подобраны с безукоризненным вкусом.

– Это самое подозрительное! – прошептала она, наклонившись вперед. – Помогите мне, Карелин. Я не могу на старости лет остаться на улице без копейки за душой. Это несправедливо!

– Вот чего ты боишься... Расслабься! Калмыков тебя не обидит. У него хватит денег и для тебя, и для любовницы.

– Вдруг он и правда вздумает разводиться?

– Переживешь. Не ты первая, не ты последняя...

– Не смей так говорить! – оскорбилась Лариса. – Я промучилась с ним всю молодость, потратила время и силы, чтобы теперь какая-то длинноногая свистулька увела у меня мужа?!

– Ба, ба, ба! Что я слышу?! Ты боишься потерять Калмыкова или доступ к его банковскому счету?

– Какая разница? Он – мой! Я завоевала его, терпела все его причуды, родила от него, наконец! Чуть не испортила себе фигуру беременностью и родами! Я заслужила все, что у меня есть, и не собираюсь уступать без боя. Да, я привыкла к достатку, к высокому уровню комфорта... Я имею на это право!

Лариса распалилась не на шутку. Матвей гадал: прикидывается она или действительно взволнована? Эта женщина могла решиться на любую интригу... от пресыщенности, которая толкает порой людей на странные вещи.

– С чего ты взяла, будто Калмыков завел любовницу?

– Он начал следить за собой. Одеваться тщательнее, чем обычно, пользоваться дорогим парфюмом. Раньше он не придавал этому значения. Даже когда ухаживал за мной! Я чувствую, с ним что-то происходит... Он начал скрывать от меня, куда идет, где задерживается... Иногда я ловлю его на лжи!

– Не все же тебе обманывать...

– Я никогда не обманывала Калмыкова, – возразила она. – Между нами существует взаимная договоренность – не ущемлять свободу друг друга.

– Но до сих пор этой свободой пользовалась только ты.

– Неправда! Он тоже ни в чем себя не стеснял... И потом, я никогда не помышляла бросить его!

– Еще бы! Отказаться от курочки, несущей золотые яйца? Ты ведь умная женщина, Лара.

– Я готова была бы закрыть глаза на его похождения, если бы не знала, что у него напрочь отсутствует либидо. Ты понимаешь?

– Любое чувство может внезапно проснуться.

– Не зли меня, Карелин. Лучше скажи: поможешь?

Зал ресторана постепенно заполнялся, преимущественно обеспеченными пожилыми дамами. Они не просто обедали, но и оживленно болтали, с интересом разглядывая Матвея и Ларису. Официантки разносили заказы, виляя тощими бедрами.

– Смотря, в чем это будет заключаться... – осторожно произнес он.

Раздался мелодичный сигнал мобильного.

– Твой телефон звонит, – недовольно сказала Лариса. – Не бери трубку. Неужели нельзя хоть раз спокойно поговорить?

– Извини... – Он все-таки достал мобильник, взглянул на дисплей и коротко ответил: – Что-то срочное? Нет? Понял... я перезвоню попозже... Немного занят... Вечером буду... Да. Обязательно.

Женское чутье подсказало ей, с кем он говорил. Его взгляд потеплел, голос смягчился, черты лица разгладились...

– Это она? – догадалась Лариса. – Твоя барышня? Обвиняешь меня в меркантильности, а сам путаешься с богатой наследницей? Небось, не нашел себе девчушку-простушку!

– Ревнуешь?

– Нет... констатирую факт.

– Я не намерен обсуждать с тобой Астру. Кажется, я уже предупреждал, что...

– Успокойся! Никто никого не обсуждает. Я даже рада, что ты с ней... близко знаком. Ходят слухи о ее необычных способностях. Она на самом деле видит людей насквозь?

– Не больше, чем ты и я. Астра умеет оригинально мыслить и делать выводы, которые не приходят другим в голову. Только и всего.

– Завидую.

Лариса вложила в это слово двойной смысл. Матвей уловил его и напрягся. Не то чтобы бывшая любовница вешалась ему на шею, но явно намекала на возобновление связи. А он потерял к ней интерес.

– Может, госпожа Ельцова возьмется за мое дело? – усмехнулась она. – Я денег не пожалею, лишь бы она выяснила, с кем путается Калмыков.

– Почему бы тебе не нанять частного детектива?

– Ты меня за дуру принимаешь? Если Калмыков узнает, он взбесится! Я слышала, Астра очень деликатно подходит к решению подобных вопросов. А ребята из детективных агентств грубо работают.

– Ошибаешься. Среди них попадаются отличные спецы.

– Не смейся, Карелин! Они станут ездить за Калмыковым по городу, подслушивать его разговоры и фотографировать. Или подсунут ему «жучок». Знаю я их методы!

– Астра не занимается слежкой за неверными мужьями. Деньги ее интересуют в последнюю очередь.

– Кто бы сомневался! Я не прошу следить за Калмыковым... Пусть она проведет сеанс ясновидения. Посмотри, что с ним происходит... на тонком плане...

Если в лексиконе Ларисы появилось выражение «тонкий план», значит, ее серьезно зацепило. Она была убежденной материалисткой.

– Вряд ли Астра согласится. Семейные разборки нагоняют на нее скуку.

– А ты спроси!

– Нет.

– Значит, тебе все равно, что со мной будет? – Лариса промокнула салфеткой сухие глаза. – Пусть меня убьют, да?!

– Кому нужно тебя убивать?

– Калмыков не захочет делить бизнес.

- Уже так далеко зашло? – саркастически произнес Матвей.
- Дальше, чем я думала. С ним стало страшно рядом находиться...

* * *

Астра стояла на остановке и смотрела, как Долгушина садится в такси. Очевидно, с финансами у нее все в порядке, экономить не приходится.

«Хорошую зарплату получают на фирме «Маркон», – подумала она, провожая взглядом отъезжающий автомобиль с шашечками. – Или же у смуглой дамы имеется состоятельный возлюбленный...»

Она с досадой поддела носком брошенную кем-то пачку из-под сигарет. Разговор с черно-волосой бухгалтершей отчего-то разбередил ей душу. Яркие пятна кленовых листьев на мостовой вызывали безотчетную тревогу.

Матвей обещал перезвонить, но до сих пор молчит. Занят! Она с досадой повернулась и зашагала вдоль улицы. Хотелось успокоиться и непредвзято осмыслить всю историю о зловещей вечеринке с Бабой Ягой. Комедия с трагическим финалом... Возможно, смерть директора фирмы и не связана с представлением. Чрезмерно впечатлительная сотрудница просто испугалась, приукрасила факты, нагородила чепухи...

Астра прикинула: успеет ли она добраться до «Маркона» за час? Долгушина просила не откладывать расследование в долгий ящик. По свежим следам всегда легче установить истину.

«Прежде всего, речь идет о моей жизни! – повторила она напоследок. – Можете считать меня неврастеничкой, но я боюсь! Я даже взяла отпуск за свой счет. Как приду в офис, мне всюду та ведьма мерещится... Донна Луна в блестящей маске! Только вы меня не выдавайте. Если жена Тетерина узнает, что я обратилась к вам за помощью... она меня уволит! Теперь фирма наверняка перейдет к ней...»

«Разве она не заинтересована выяснить причину смерти мужа?» – удивилась Астра.

«Вдруг они с Донной Луной... заодно? И Марина с ними? Тогда мне точно не жить!»

Астра решила. Ждать, пока Матвей освободится и отвезет ее на Щербаковскую, где расположен офис «Маркона», нет необходимости. Она сама доедет...

Глава 7

– Вы к кому? – вежливо осведомилась молодая женщина в сером костюме.

Тесно прилегающий пиджак, короткая юбка, туфли на высоких каблуках. Судя по описанию бухгалтерши, это была Марина, секретарша покойного Тетерина.

Никаких признаков траура по поводу потери шефа она не демонстрировала. В офисе царил мирная деловая обстановка. Помещение сияло чистотой, на подоконниках цвели фиалки, в углу зеленела большая пальма. Сама секретарша сдержанно улыбалась.

– Я вас слушаю, – вымолвила она.

С места в карьер спрашивать про Тетерина было бы ошибкой. Астра сделала вид, что робеет, и принялась рассматривать рекламные панно на стенах. Марина терпела. Она обладала недюжинной выдержкой.

– Вы по какому поводу? – через пару минут напомнила она о себе.

Посетительница скромно опустила глаза и покраснела.

– Мы с мужем собираемся купить кафе... вот, подбираем оборудование для кухни...

– Показать вам каталог?

– Если можно... Надеюсь, цены у вас приемлемые?

– Сейчас на нашей фирме действует гибкая система скидок...

Марина вызвала парня по имени Гарик, и тот увлек «заказчицу» в коридор, к двери с надписью «Менеджеры». Астра нарочно замешкалась, незаметно оглядываясь. В коридор выходило несколько дверей. Вероятно, одна из них вела в зал для торжественных мероприятий и вечеринок. Она не успела сообразить, какая именно.

Гарик усадил ее за стол, подал каталог и предложил чаю. Астра «смущенно» кивнула. Посыпались заученные вопросы.

– Какое у вас кафе? Для взрослых, для молодежи, для детей?

– Для детей...

– Дизайн уже готов?

– Не совсем...

– Это усложняет нашу задачу, – покачал патлатой головой Гарик. – Ну, ничего... Выберите, что вам больше по вкусу!

Он развернул каталог на нужной странице и пододвинул к посетительнице. На его руке поблескивали часы, стоившие больше, чем годовая зарплата менеджера. Астра отважилась на прощупывание почвы:

– А кто мне все обсчитает? У вас есть бухгалтер?

– Есть... но в данный момент она в отпуске.

– Какая жалость! Понимаете, наши средства ограничены, и мы с мужем хотели бы знать, во сколько обойдется заказ...

– Нет проблем. Я сам подсчитаю, – бодро заявил Гарик. – Сначала выберите все необходимое.

Астра послушно уставилась на яркие картинки, которыми пестрел каталог. Она не продумала заранее, как будет действовать. Ее интересовала атмосфера фирмы, настроение сотрудников, даже интерьер имел значение. Пока здесь ничего не производило гнетущего впечатления.

– Ой! А мне вообще-то посоветовали обратиться к Леоноре Истоминой! – выпалила она. – Можно ее позвать?

Гарик дернулся и выдавил кривую улыбочку:

– Истомина у нас не работает.

– Ка-а-ак? Разве это не «Маркон»?

– «Маркон»... только фирма Истоминой называется по-другому. «Маркус»! Вас ввело в заблуждение похожее название. Они продают такое же оборудование, но гораздо дороже.

– Да? Что вы говорите? А мне сказали...

– У нас разная ценовая политика! – пустился в объяснения менеджер.

Он бил на дешевизну их товара, сулил Астре значительные выгоды. Она же прислушивалась к возне в коридоре. То ли любопытная секретарша прильнула к двери, что ли кто-то еще...

Дверь вдруг распахнулась, и на пороге в негодовании застыла уборщица.

– Опять зал закрыт на ключ! – заверещала она. – Гарик! Когда я там уберусь? Мне уходить пора! Дети позвонили, просят внука забрать из садика. Самое позднее через час я должна уходить. А зал закрыт!

– Потом уберете, Зина Петровна... – отмахнулся он. – Не видите, я с клиенткой разговариваю?

– Там уже пылищи, наверное, с палец толщиной накопилось, – продолжала гундосить уборщица. – И проветрить надо!

– Идите, Зина Петровна! Не мешайте!

– Дайте мне ключ, и я уйду.

– Нет у меня ключа. Искал, не нашел.

– Как же теперь быть-то?

– Потом разберемся! – отрезал менеджер. – Потом!

Она неожиданно смирилась и кивнула:

– Ладно, Гарик, я тогда пойду... за внуком. А вы ключ поищите. Нехорошо без ключа-то! В зал не попадешь, грязь накапливается... с кого за беспорядок спросят? Зина Петровна будет отдуваться! Я, Гарик, уже не в том возрасте, чтобы замечания от начальства выслушивать.

– Валите все на меня. Я ключ потерял, мне и ответ держать.

– Ладно... – огорченно повторила уборщица. – Так вы меня отпускаете?

– Сказал же, идите с богом.

Зина Петровна скрылась за дверью, в коридоре раздались ее торопливые шаги. Гарик набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул, успокаиваясь. На его впалых щеках чернела модная, аккуратно выбритая местами щетина.

– Простите. Технический персонал у нас невоспитанный.

– Ничего, – улыбнулась Астра. – Бывает... Я, пожалуй, пойду.

- Почему? – опешил парень. – Вы же еще не выбрали товар!
- Я забыла снять размеры.
- Ну, хоть приблизительно...
- В следующий раз.

Он уже понял, что заказчица «срывается с крючка», и делал отчаянные попытки заинтересовать ее скидками. Но Астри не слушала. Она думала, как бы ей успеть выйти на улицу, перехватить по дороге уборщицу и завести с той знакомство.

Отделавшись от разочарованного Гарика, она на ходу попрощалась с секретаршей и выскочила из офиса. Зина Петровна, по ее расчетам, должна была появиться с минуты на минуту...

* * *

Матвей вышел из диетического ресторана в скверном расположении духа. Трудно было определить, что сильнее испортило ему настроение – безвкусная пища или щекотливая просьба Ларисы. Возможно, им вообще не стоило встречаться. Она поцеловала его на прощание, на мгновение тесно прижавшись к нему в полумраке гардеробной. Старик-гардеробщик, подававший ей легкое манто из меха шиншиллы, деликатно отвел глаза.

Матвей ощутил горячий внутренний всплеск – не то проснувшегося желания, не то вины перед Астрой. Ужасно глупо!

- Я по-дружески, – усмехнулась Лариса, отстраняясь. – Не пугайся!

Для дружеского поцелуя прикосновение ее губ было слишком страстным, слишком горячим.

«Должен ли я помогать ей? – спрашивал он себя. – Тем более, впутывать в это Астру? У ее мужа появилась любовница... Эка невидаль! Лариса сама меняет бойфрендов, как перчатки... Чего же она ждала от Калмыкова? Безответной верности?»

Матвей отвез Ларису в салон красоты. Они ехали в полном молчании.

– У меня нет ни одного искреннего друга, – сказала она, когда «Пассат» притормозил у салона. – Кроме тебя. Я поздно поняла, насколько ты мне дорог.

- Как же твои молодые мужчины?

– Им нужны от меня только деньги и секс. Я все еще хороша в постели.

– Получается, Калмыков субсидирует молодых плейбоев, которые ублажают твою чувственность? И ты удивляешься, что он решил развлечься на стороне?

– Там что-то другое... Его серьезно взяли в оборот, понимаешь? Кахлмыков испытывает оргазм от еды, а не от женского тела! Поверь мне. Я живу с ним не первый год.

- Но...

– Хватит талдычить про «второе дыхание», – разозлилась она. – Скажи еще про «беса в ребро»! Это к Калмыкову не относится.

- Он у тебя особенный?

– Знаешь, да! Мы оба особенные. Каждый по-своему.

Она разъяренно хлопнула дверцей и зашагала к салону. В ее походке, в напряженном наклоне головы ощущался немой упрек. Вот, мол, какой ты подлец, Карелин! Отказываешь в помощи женщине, которая когда-то дарила тебе нежность и наслаждение... Ты такой же неблагодарный самец, как все мужчины!

Его *проняло*. Он и без того был на взводе. Возможно, на него повлияли ночные кошмары, возможно, обида на Астру. Она занималась чем угодно, только не их отношениями. Ей наплевать, что творится у него в душе! Она с головой погружается в чужие проблемы. Разгадывает чужие загадки! Рискует его и своей жизнью из-за каких-то чертовых тайн! Она – азартный игрок, готовый поставить на кон все ради сомнительного триумфа...

– В чем же состоит ее выигрыш? – пробормотал Матвей, выезжая с тихой улочки на проспект и встраиваясь в поток машин. – Все мы – участники заранее predetermined процесса, тщетно следящие за безумным вращением рулетки. Но шарик уже занял свое положение! Все уже так или иначе свершилось...

Оказавшись в пробке на Кутузовском, он получил время для размышлений. Заторы на дороге не всегда тебя задерживают. Порой они позволяют человеку остановиться и словно бы выпасть из суеты, оглянуться вокруг, осмыслить, куда он мчится. И стоит ли ему продолжать путь?..

Матвей вдруг вспомнил, что отец одного из его подопечных – близкий приятель Калмыкова. Именно по просьбе Ларисы подросток попал в группу Карелина и начал посещать военно-спортивный клуб. Отец парня недавно звонил, рассыпался в благодарностях. Что, если поговорить с ним?

Он прямо из машины попробовал связаться с господином Аврамовым. Тот почти сразу ответил:

– Рад слышать вас, Матвей. Вы по поводу моего балбеса?

– Нет...

– Слава богу! Я уж думал, опять сорвался мой недоросль!

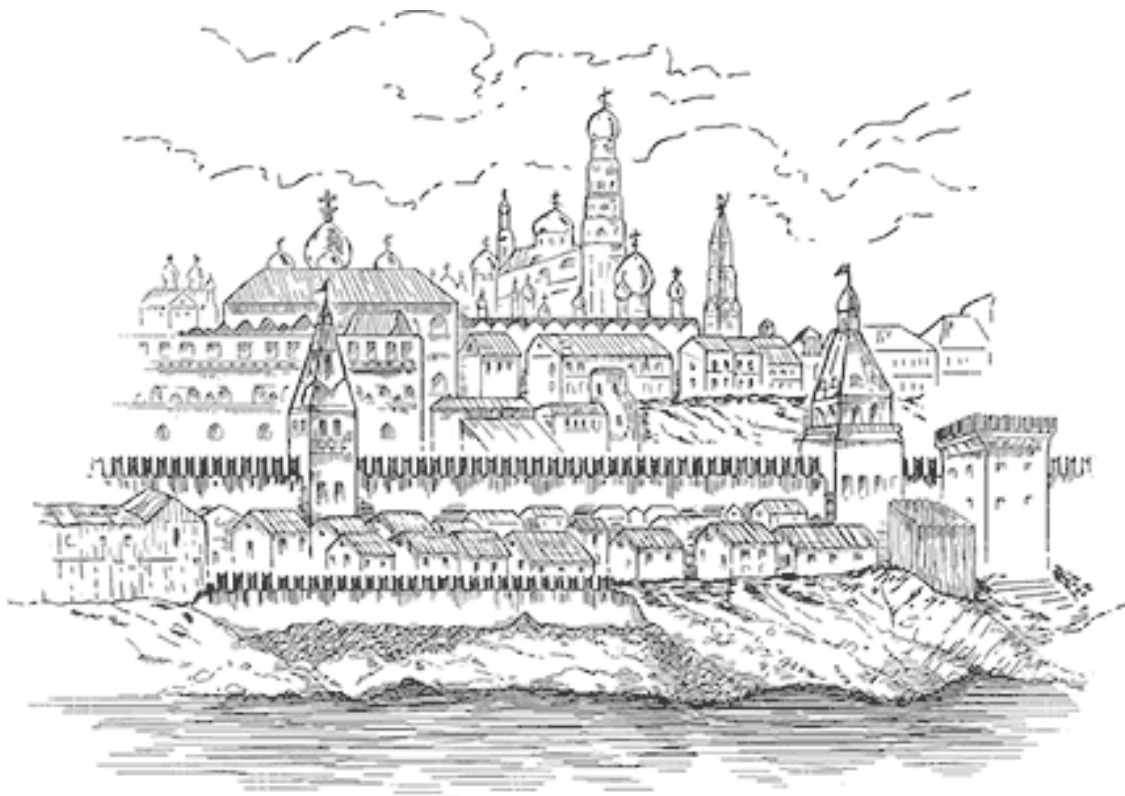
– С ним все в порядке. Я по другому вопросу...

– Хорошо. Долг платежом красен, – грохотал в трубке Аврамов. – Чем могу служить?

– Надо бы встретиться...

– Понял. Давайте через пару часов в бильярдной «Черный конь».

Глава 8

Москва. Август 1917 года

Ольшевскому пришлось поломать голову, прежде чем он привел содержание «писем из шкатулки», – как он окрестил свое приобретение, – в соответствие с современным стилем изложения. Все языки с течением времени претерпевают определенные изменения. Английский – не исключение.

Он не сразу смог сделать точный перевод эпистолярных откровений неизвестной дамы, которая подписывалась «Swarthy». – Что сие означало? Имя? Фамилию? Прозвище? Лексику писем можно было отнести приблизительно к семнадцатому веку, посему далеко не все слова и обороты оказались понятными. Но сию трудность быстро удалось преодолеть. Чем глубже пытливый ум исследователя проникал в смысл этих необычных посланий, тем сильнее они интриговали. На поверхностный взгляд можно было бы подумать, что некая дама сообщает своему благодетелю – то ли наставнику, то ли родственнику, то ли опекуну – о жизни в чужой стране, о новых для нее обычаях и правилах, о душевных порывах и сердечных переживаниях. Однако за всеми перечисленными обыденностями жизни крылась некая сокровенная суть, которую Swarthy, Сьюзи, старательно вуалировала. Казалось, она нарочно облекает свои послания в такую форму, дабы придать им вид банальной переписки. А на самом деле за строчками, рисующими быт и нравы той среды, куда забросила автора писем судьба, прятался подтекст. Тем более серьезный, чем тщательней он маскировался. Подразумевалось, что адресат должен был уловить сей подтекст как именно ту информацию, которую истинно желала донести до него неизвестная Сьюзи...

– Впрочем, я могу ошибаться, – бормотал ученый, потягиваясь и разминая затекшие члены. – У меня с детства бойкое воображение, от коего родители мои и товарищи по играм имели множество неприятностей и впадали в заблуждения.

У Ольшевского сложилось мнение, будто переписка велась между мужчиной и женщиной, которых связывали отнюдь не родственные и не любовные отношения. Однако же они, несомненно, являлись единомышленниками и людьми, духовно близкими между собою. Собственно, писала дама... а дошли ли ее послания по адресу? Кстати, адреса сего указано не было. Можно догадаться, что отправлять письма намеревались с нарочным, сначала сухопутным, а потом морским путем в Англию. Нарочный сей должен был знать, кому доставить корреспонденцию. Но вот доставил ли он ее? Вопрос!

Ежели не доставил, то что ему помешало? Ежели доставил, то по какой причине послания вернулись в Москву? Впрочем, потомки адресата могли приехать в Россию и привезти с собой семейный архив. Вариантов много...

Письма были сложены в хронологическом порядке и пронумерованы... видимо, уже в более позднее время. Не похоже, чтобы нумерация принадлежала руке старушки, продавшей Ольшевскому сундучок с письмами. Скорее, она получила их уже в том виде, какими они предстали перед покупателем.

Опыт работы с архивными документами, старинными рукописями и манускриптами позволили Ольшевскому сделать вышеозначенные заключения. Как ученый-филолог, он дивился красоте стиля этих затейливых посланий из прошлого. Как человек – удивлялся перечисляемым подробностям и взгляду приезжей особы на житие российское, предшествующее славным преобразованиям Петра Великого. Как мужчина – испытал вдруг необъяснимую жгучую потребность увидеть воочию даму, оставившую после себя сии строки... а еще того, разгадать тайну, которая будто бы проступала между слов, однако не давалась уразумению...

Ольшевский завел специальную тетрадку, куда переписал на современный манер «письма из шкатулки». Разговоры доктора про грабителей, от которых он прежде отмахивался, теперь показались ему достойными внимания. Он нашел укромное местечко в кладовой, где вместо съестных припасов хранил книги, и спрятал туда деревянный сундучок, окованный по углам почерневшим металлом, вместе с его содержимым. Уходя, он прятал под матрац и тетрадку, что совершенно уж не вязалось с его убеждениями, будто бы к нему не залезут, ибо красть у него нечего, кроме бумаг и книжных томов, коими воры мало интересуются...

Тетрадка стала олицетворять для него развлечение совершенно особого рода. Читая и перечитывая сии свидетельства из прошлого, Ольшевский погружался в мир чужих страстей и тайных стремлений, постичь которые стало для него делом чести...

Первое письмо было довольно длинным:

«Мой дорогой! Уж и не чаяла добратья живой до стольного града царей московских. Не раз и не два прощалась я с белым светом и горевала о том, что не сумею оправдать ваше доверие и возложенные на меня надежды. Жизнь здешняя оказалась куда проще и опаснее, чем мы могли предполагать. Впрочем, и простота сия, и опасности заключаются в странных нравах жителей этой северной страны, холодной и пустынной, где можно долго-долго ехать, не встретив ни путника, ни селения, ни самих признаков человеческого обитания. Ужасающая нищета соседствует в Московии с невиданной роскошью, а чрезмерная богобоязненность – с самыми дичайшими суевериями. Никогда не знаешь наверняка, что на уме у кучера, у хозяина постоялого двора... у торговца в захудалой лавчонке... тем более, у служилых людей – бояр и дворян, окольничих, стольников, стряпчих, думных дьяков и прочих придворных, кои окружают особу государя. Мгновение назад наивные и доверчивые, они вдруг становятся подозрительными и лицемерными, способными на любое злодейство. Как с ними вести себя, неведомо.

По дороге к Москве мне чудом удалось избежать столкновения с разбойниками. Шайки вооруженных грабителей совершают повсеместно необычайно дерзкие и жестокие нападения. Лесную чащу, овраг, болото и даже станционный домишко, где меняют лошадей, они превращают в укрытие, откуда набрасываются на путников, ничего дурного не ожидающих. Сии сборища беглых слуг, городских бедняков и разорившихся крестьян нередко совершают ужасные смертоубийства, не щадя никого. Предводительствуют им иногда умные возжаки из высших сословий, даже княжеского роду, обиженные властелином своим. Никакие предосторожности не спасают от сей лютой напасти. Путешественника, который отправляется дальше двадцати верст, считают обреченным на неминуемую погибель. Вот какова Россия! Бесконечными унылыми трактами я добиралась до города, куда вы изволили послать меня. Представьте, как я волновалась за главное мое сокровище, без коего мои действия будут сильно затруднены, если вообще возможны.

Постоялые дворы здесь деревянные, грязные, кровати с клопами, так, что я ночь напролет глаз не смыкала. Вынужденная бессонница сия не раз спасала мне жизнь. Однажды к приютившим нас хозяевам ворвались разбойники, – устрашающие крики их, свист, лязг оружия и топот ног заставили меня вскочить и приготовиться к самому худшему... Счастье, что вместе со мной на постой остановился мужчина. Он оказался знатным дворянином; весьма опрометчиво он путешествовал без свиты...

Не буду описывать, чем закончилось ночное происшествие, но несколько головорезов упокоились навеки от руки сего постояльца, и мы смогли наутро выехать в дорогу. Началась осенняя распутица. Лошади нам доставались порою истощенные, кучера – неопытные... Останавливаться на ночлег в деревнях было опасно из-за разбойничьих шайек, и благодетель мой, господин Вольнский, который отбил нападение на постоялом дворе, предложил ночевать прямо в лесу. Однажды мне пришлось спать на болоте, под заунывные крики не то птиц, не то каких-то зверей... а наутро кучер нехотя объяснил, что так стонет и дышит трясына. У него на шее висел мешочек с заговоренными травами, и он молился, держась за этот мешочек.

Думала ли я, что порядки в самой Москве будут немногим лучше, нежели на бескрайних окольных землях? В царской столице больше домов деревянных, но есть и каменные палаты, принадлежащие высшей знати – боярам. Селятся они в Китай-городе, поближе к государеву дворцу. Дома сии большие, в два, а то и в три этажа... полные дворни, которая живет без надлежащего занятия и призрения⁹, каждого просителя к боярину или даже простого прохожего, особенно в вечерние часы, может обобрать и «надавать по шее», как здесь выражаются. Приживалов и челяди на боярских дворах по две сотни и более...

После захода солнца город погружается в кромешный мрак. Улицы не освещаются совершенно. В домах тускло мерцают слюдяные окошки. Жители ходят со своими фонарями или жгут факелы. Мостовых нет и в помине. Кое-где по приказу царя вымостили проходы между домами бревнами. Подобная роскошь доступна только в центре, ближе к Кремлю, где находится дворец царской семьи. Но более темноты и бездорожья докучают лихие люди, воры. Так что с наступлением сумерек лучше ездить в карете, а не ходить пешком. Карету же могут себе позволить далеко не все.

Еще в Москве орудуют «кабацкие ярыги» – пьяницы из числа людей хорошего происхождения, но доведенные вином до полного ничтожества. Таковые обозлены чрезвычайно. Кто из них не решается грабить, те толпятся у кабаков или назойливо выпрашивают подаяния. Смотреть на сие стыдно и боязно.

Невоздержание в питии сделалось тут всеобщим бедствием. Пьют поголовно – и в кружечных дворах, и в подпольных корчмах, где кроме вина еще процветают игры, продажные женщины и курение «свекольного листа». Так москвиты называют табак, запрещенный в

⁹ Призрение – приют и пропитание.

России. Его поставляют с Востока отчаянные головы, готовые ради наживы рисковать собственной жизнью. Табак курят из коровьего рога: заливают туда воду и вставляют внутрь трубку, чтобы пропускать дым через воду. Затягиваются до одурения и потери чувств. Некоторые курильщики падали на моих глазах без памяти...

Карты для игры привозят из Польши, и москвиты весьма ими увлекаются. Они легко впадают в азарт, а кроме того, чужаются бесед, благотворных для ума, оттого и заполняют время веселыми и бездумными развлечениями. Между ними не принято разрешать споры ударом шпаги или выстрелом. Дуэлей они не знают, и при всякой обиде или разногласии пускают в ход кулаки. Кулачные поединки здесь популярны как среди дворян, так и в народе. Даже судебные тяжбы они умудряются превратить в мордобитие. Таковы их законы.

Почему я так подробно описываю здешнюю жизнь? Да потому, что сыскать себе помощников из простолюдинов пока не могу... а кто повыше чином и при должности, те осторожно, с предвзятостью относятся ко всякого рода просьбам, особенно исходящим от иноземцев. Приходится ждать подходящего случая.

Благодетель мой, который храбро отбивался от разбойников на постоялом дворе, оказался служилым человеком, входящим в царские палаты. На него только и уповаю...

Надеюсь, мое послание дойдет до вас, но не жду, что скоро».

Этот текст заканчивался, как и все последующие подписью – Сьюзи.

Изложенные в письмах факты и детали быта позволили Ольшевскому подтвердить вывод, что речь идет о Москве семнадцатого века, причем второй его половины. Дама – явно иностранка – как будто рисовала картины того времени, но некоторые намеки наводили на мысль, что она преследовала иную цель. Филолог пока не мог разгадать, какую. Сьюзи словно прощупывала почву, предлагая адресату варианты: разбойники... курильщики... пьяницы... картежники... Что крылось за этими вариантами?

«Письма из икатулки» лишили Ольшевского покоя и сна, заставили забыть о бурлящих на улицах нынешней Москвы революционных выступлениях и надвигающейся на Россию катастрофе...

* * *

Москва. Наше время

– Зинаида Петровна!

Пожилая дама в черном пуховике и вязаной шапочке оглянулась.

– Это я вас окликнула, – сказала Астра.

– Извините, я тороплюсь. За внуком, в садик.

– Далеко вам добираться?

– Пару кварталов пройти, – удивленно объяснила уборщица из «Маркона». – Да только я быстро-то не могу. Одышка...

– Как же вы работаете?

– А что делать? На пенсию не больно-то разгонишься. Детям помогать надо. Дочка учится на заочном, зять получает немного, едва на еду хватает. Малец-то растет шустрый, обувка на нем горит, одежда рвется. Я ведь бабушка! Конфеткой хочу внука побаловать, игрушкой, обновку ему купить...

Астра зашагала рядом с ней, стараясь приноровиться к ее медленной, тяжелой походке. Уборщица, к счастью, оказалась словоохотливой.

– Мы здесь рядом живем. Пешком до «Маркона» минут десять будет. Удобно!

– Я вот что подумала. Может, вы хотите дополнительно подработать? Мой... друг ищет техничку для своего офиса. Убираться надо один раз в неделю, по выходным. У вас выходные тоже заняты на «Марконе»?

– Нет. В выходные я отдыхаю, внука в зоопарк вожу, гуляю с ним. Молодым-то не до ребенка. Сами еще норовят на гулянку сбежать.

– Ну, как насчет подработки? – спросила Астра. – Фирма солидная, платить будут хорошо.

Она лихорадочно соображала, куда в случае согласия пристроить уборщицу: в конструкторское бюро к Карелину или в один из отцовских филиалов?

Та приостановилась и вприщур уставилась на Астру.

– С какой стати вы мне работу предлагаете? Вы меня первый раз видите.

– Я разбираюсь в людях. К тому же помещение «Маркона» просто блесит и сверкает. У меня глаз наметанный. Соглашайтесь, Зинаида Петровна. Не пожалеете!

– Ой, не знаю...

– Выходные ведь у вас свободны, – убеждала ее Астра. – Каждую субботу в первой половине дня приедете, наведете порядок... и положите в карман приличные деньги.

Она готова была обещать Зинаиде Петровне золотые горы. Очень кстати было бы занять своего человека в «Марконе», который постоянно находится среди сотрудников фирмы и, естественно, в курсе всех событий.

– Вы меня ошарашили, – призналась уборщица. – Даже не знаю, что сказать... Заманчиво! С другой стороны, субботу жалко терять. Устаю я шваброй-то шаркать да пылесос таскать из комнаты в комнату. Руки болят, сердце сдает...

– Соглашайтесь. Работы там кот наплакал. Хотя бы попробуйте. Не сможете – уйдете.

На лице уборщицы отразилось колебание.

– Хорошо, – кивнула она. – Я подумаю. Деньги позарез нужны!

– Вот вам мой телефон, – обрадовалась Астра. – Звоните прямо с утра. А то потом я закручусь...

– Вы заказ-то сделали?

– Нет еще... Я хочу сначала обмерить все помещения, а потом уже оборудование выбирать.

– Тоже правильно, – переминалась с ноги на ногу уборщица. Первой попрощаться неловко, а дамочка явно уходить не торопится.

– У вас, кажется, новый директор скоро появится, – вскользь произнесла Астра. – А новая метла по-новому метет. Лучше подстраховаться.

Зинаида Петровна выпучила глаза.

– Какой еще новый? Чего вдруг новый-то?

– Ваш Тетерин умер, говорят.

– Тетерин?! – обалдела пенсионерка. – Владислав Алексеич?! Да вы что?! Когда?! Господи... я ж его третьего дня видела, живого и здорового! Он в свой кабинет заскочил, взял что-то и выскочил. Спешил. Ну надо же! Неужто самолет разбился?

Настала очередь Астры хлопать глазами:

– Какой самолет?

– На котором Владислав Алексеич вчера в отпуск улетел, с супругой. На эти... на острова. Марина сама им билеты заказывала... по телефону. Они оба разбились? Пресвятая Богородица! – всплеснула она руками. – Вот беда-то! А мы ни сном ни духом...

– Погодите... какой отпуск? Какие билеты?

– Человек три года без отпуска, – запричитала уборщица, схватившись за сердце. – Наконец, решил отдохнуть. И на тебе! Катастрофа! А вы откуда знаете про самолет? По телику передавали?

– Нет-нет... я, кажется, все перепутала. Вы меня извините, Зинаида Петровна, я не то сказала. Вероятно, фамилии похожи. Да, вспомнила! Не Тетерин, а Петелин. Точно, Петелин... и он не в самолете разбился, а под машину попал. Простите, ради бога.

– Ой, как вы меня напугали, – с облегчением выдохнула пенсионерка. – Аж сердце сжалось! Где у меня валидол-то?..

Она полезла в сумку, искать таблетки.

За забором, во дворе детского садика, с шумом резвились дети. Две воспитательницы сидели на скамейке возле песочницы и оживленно беседовали.

Астра похвалила себя за то, что вовремя сумела перестроиться. И за предусмотрительность тоже. Хорошо, что она не ляпнула про смерть Тетерина секретарше или менеджеру!

Глава 9

В бильярдной плавал сизоватый дым. Федор Степанович Аврамов, ожидая Матвея, на правах хозяина заведения курил сигару. Вообще-то на стене висела табличка, приглашающая курильщиков в специально отведенный для них зал.

– Угощайтесь, – радушно предложил он, придвигая к гостю коробку с сигарами.

– Не любитель... спасибо...

– А я вот позволяю себе, когда жена не видит, – захихикал Аврамов. – Она у меня не женщина – сержант в юбке. Спуска не дает! Приходится прятаться.

Его высокая статная фигура от обильных трапез, возлияний и сидячей жизни начинала заплывать жирком. Под жилетом наметилось брюшко, на белоснежный воротник сорочки лег второй подбородок. Аврамов вкладывал деньги в игорный бизнес. Бильярдные составляли часть его проекта. Матвей подозревал, что «Черный конь» и другие подобные точки служат прикрытием для каких-то теневых тотализаторов и букмекерских контор. Но держал свои соображения при себе.

При внешнем добродушии и любезности Федор Степанович слыл ловким, твердым, жестким предпринимателем. Влияние на него имела только его жена, бывшая учительница, – красивая и высоконравственная женщина, с годами не растерявшая своих идеалов. Удивительно, на чем основывался их союз, однако Аврамовых считали любящей и благополучной семейной парой. Под давлением жены Федор Степанович жертвовал внушительные суммы на реставрацию храмов и помощь детям-сиротам.

Единственный их сын Олег – неуклюжий долговязый подросток – при таком отце и педантично строгой матери, которая следила за каждым его шагом, умудрился совершенно отбиться от рук. Он перестал слушаться родителей, демонстративно делая все им наперекор: прогуливал уроки в престижном колледже, бравировал своей ленью, пристрастился к алкоголю и завел дружбу с дворовой шпаной. Парень ненавидел казино, игровые автоматы, букмекеров и попре-

кал отца «грязными деньгами». Дошло до того, что компания хулиганов под предводительством Олега несколько раз была стекла в заведениях Аврамова. Тот схватился за голову. А что он мог противопоставить этому натиску? Не заявлять же на собственное чадо в полицию?

Жена Федора Степановича пачками глотала успокоительные таблетки. Ее обожаемый «сынуля» на глазах превращался в уличного монстра, а она ощущала полное бессилие что-либо изменить. Однажды, проверяя карманы Олега – вот, до чего она уже опустилась! – обескураженная мать наткнулась на порцию маковой соломки. Ее будто громом поразило. Она кинулась к мужу:

– Мы теряем сына, Федя! Надо что-то делать...

– Скажи, что?

Между ними завязалась перепалка, каждый норовил обвинить другого в просчетах воспитания, приведших к столь плачевному результату. Как это обычно бывает, Аврамова укоряла мужа его вечной занятостью, а тот отбивался и сам нападал на жену – за ее потакание сыну, за то, что мальчик вырос избалованным эгоистом.

– Где же твоя педагогика, Галя? Кто из нас профессиональный учитель? Каким образом наш сын докатился до наркоты?

– Это кара Господняя! – стенала женщина, заламывая руки. – За твои грехи, Федя! Нечистый у тебя бизнес, нечестный! Ты людей губишь, а Олежек за это все расплачивается!

– И ты туда же?! – взвился Аврамов...

После грандиозного скандала супруге пришлось вызывать «Скорую», а Федор Степанович неделю не появлялся дома. Он спал в главном офисе, в своем кабинете, на неудобном кожаном диване и проклинал всех *чистоплюев*, вместе взятых. Деньгами его они, видите ли, не брезгуют... их, видите ли, способ зарабатывания этих денег не устраивает! Пусть пойдут попробуют честно сколотить капитал, а он на них поглядит!

Остыв, Аврамов вызвал на совет давнего приятеля – Калмыкова. У того тоже растет сын, жена тоже сидит дома... Авось Виталий что-нибудь подскажет.

За бутылкой французского коньяка они слезно жаловались друг другу на семейную жизнь, на постоянную нервозность и неблагодарных отпрысков. Калмыков порекомендовал отдать Олега в кадеты, что вызвало саркастический хохот Федора Степановича:

– Представляю себе этого кадета... с плоскостопием и кривым позвоночником!

– Не пройдет по здоровью? Жаль... – огорчился Калмыков.

– Ни по здоровью, ни по возрасту! И ремнем лупить поздно негодяя! Уже поперек кровати-то не положишь!

Калмыков сочувственно кивал, а вечером позвонил приятелю и дал телефон военно-спортивного клуба «Вымпел».

– Моя Лариса говорит, там тренер есть – исключительный умелец подбирать ключик к самым отъявленным балбесам. Настоящий кудесник. Сумеешь с ним договориться, считай – дело в шляпе!

Так, спустя месяц, Олег Аврамов попал в группу Матвея.

– Спасете моего парня, я ваш вечный должник! – прижимал руки к груди Федор Степанович.

Матвей не часто прибегал к помощи родителей мальчишек из своей группы, но в данном случае счел возможным обратиться к Аврамову. Вопрос-то деликатный до крайности...

В бильярдной пахло пыльным сукном, мелом и дымом дорогих сигар. Хозяин позвонил бармену и велел принести чего-нибудь выпить и закусить.

– Икорки, брат, тащи... огурчиков малосольных, и этих... перепелок на вертеле... с пылу с жару! Любите перепелок?

Матвей вспомнил пареное мясо с овощами, которое ел на обед, и с сожалением отказался.

– Я сыт... да и пить не могу.

- За рулем, что ли? Так это не беда... Вас мой человек отвезет, доставит, куда скажете.
- Спасибо, я бы кофе выпил, если можно.

– А я хлопну водочки, с вашего разрешения, – подмигнул ему Аврамов. – И перепелками себя побалую. Дома меня постными кашами кормят и зелеными салатами. Только здесь и отвожу душу! Я же не травоядное, в конце-то концов! Хорошо быть холостяком...

Матвей согласно кивнул. Он думал, как перейти к интересующей его теме. Федор Степанович облегчил ему задачу:

– Чем могу быть полезен? Я обязан вам. Все, что в моих силах, с радостью сделаю... в рамках моей компетенции.

– Надеюсь, – усмехнулся Карелин. – Я, собственно, выполняю поручение Ларисы Калмыковой...

– Ларочки? – просиял бизнесмен. – Милейшая женщина, прелестнейшая! Буду счастлив услужить...

– Лариса надеется на ваше... на наше с вами благородство и молчание. Разговор должен остаться между нами.

– Разумеется! Как же иначе?

– Ее беспокоит поведение мужа. Виталий Андреевич... как бы правильно выразиться...

– Вы говорите прямо. Я мужик понятливый.

– В общем, Лариса подозревает, что у супруга появилась любовница. И эта любовница как-то плохо влияет на Калмыкова. Ларисе кажется, что она... опасна.

– Пф-фф! – выдохнул Аврамов. – Ларочка всегда отличалась острым умом и наблюдательностью. Она чертовски права, мой друг! Именно *опасна*! Эта женщина, словно злой дух, околдовала, закружила Виталия... Она подбивает его бросить семью, ребенка. Впрочем, не это самое страшное! Виталий тратит на нее больше, чем положено. Поймите меня правильно, я не скряга, но те суммы, которые идут на удовлетворение капризов его новой пассии, просто ужасают. Если так пойдет и дальше, дама может разорить Калмыкова!

– Кто она? Вы ее видели?

– Раза два... мельком... На мой взгляд, в ней нет ничего особенного. Она тщательно скрывает свое лицо, вероятно, на то существует веская причина. Фигура у нее так себе... Опять же, я не претендую на истину в последней инстанции. У каждого свой вкус! Не мне судить кого бы то ни было. Я давно знаю и уважаю семью Калмыковых. Они сумели найти в отношениях ту золотую середину, которая после стольких лет брака позволяет им оставаться вместе, взаимно не отягощая друг друга. Лариса – натура пылкая, и Виталий всегда смотрел на ее шалости сквозь пальцы. И правильно! Она тоже не мучила его ревностью. Пусть бы он завел интрижку с какой-нибудь смазливой танцовщицей или моделью... на здоровье! Мужчине иногда требуется разрядка. Но то, что происходит с Калмыковым, меня, мягко говоря, настораживает.

Хозяин бильярдной произнес свой монолог с чувством, с сердцем – он даже перестал попыхивать сигарой и отложил ее в сторону. Она дымилась в малахитовой пепельнице...

– Вы же довольно близкие приятели, – заметил Матвей. – Почему бы вам не побеседовать с Калмыковым? По-дружески, по-мужски?

Бармен принес водку с закуской, кофейник и принялся расставлять все это на низком ореховом столике. Аврамов молчал, ждал, пока тот закончит и удалится.

– Приятного аппетита, – улыбнулся молодой человек.

– Спасибо, братец. Иди, иди!

Он сам налил гостю кофе в маленькую синюю чашечку.

– Вы любите черный без сахара. Верно? У меня отличная память... Так вот, я пытался образумить Виталия, но он невменяем. Ничего не желает слушать! И это тем более странно, что Виталий... м-ммм... с некоторых пор охладел к женщинам... Понимаете, что я имею в виду?

– Не совсем, – схитрил Матвей.

– Ну... возраст, недостаток гормонов... тучность... э-э... ослабляют способность мужчины...

– Ах, вы об этом?

– Виталий сам неоднократно жаловался мне на полное отсутствие желания и... слабую потенцию. Мы с вами затрагиваем столь интимные вещи, что...

– Буду нем как рыба! – заверил его Матвей. – Не сомневайтесь.

Аврамов, испытывая неловкость от вынужденных откровений, которые касались Калмыкова, оправдывался:

– Если бы я не был вам обязан... если бы не любил Ларочку... я бы ни за что...

Он не нашел ничего лучшего, как выпить рюмку ледяной водки и налить себе еще.

– Мне не безразлична судьба этой семьи, – пояснил Федор Степанович и опрокинул вторую рюмку. – Я бы не хотел, чтобы Виталий из-за какой-то ушлой бабенки пустил по ветру свое состояние, нажитое... тяжелым трудом. К тому же, мы с ним немного партнеры. Кое-какие общие дела, знаете ли... Калмыков занимается недвижимостью, помогает мне выгодно вкладывать деньги. В том, что касается бизнеса, на него можно положиться. У него нюх на прибыльные сделки.

Матвей сопоставлял его слова со словами Ларисы и терялся в догадках: зачем Калмыкову понадобилась любовница? Что он с ней делает? Дарит ей подарки вместо ласк? Не исключено...

– По поводу потенции, – решил уточнить он. – Это у Калмыкова серьезно?

– Похоже, да... Хотя в свете открывшихся фактов... Темная история с этой дамочкой! Вот вы, молодой, современный человек, верите в *приворот*?

– Признаться, нет.

– Поживете с мое, тогда не будете таким скептиком. В жизни всякое случается. Много в ней разных чудес и тайн, которые нашу науку ставят в тупик. А? Как вы думаете?

Матвей молча покачал головой. Познакомившись с Астрой, он пересмотрел некоторые свои принципы. Его рациональное мышление давало сбои и ошибалось, а ее безумные фантазии оборачивались реальными фактами. Логика сдавалась на милость абсурду.

Аврамов выпил третью рюмку и отправил в рот ложку икры. На его лице отразилось блаженство.

– Я рекомендовал Виталию обратиться в клинику. У меня есть один опытный сексопатолог, который справляется с подобными проблемами. Правда, за хорошую плату. Ну, так сейчас рынок диктует цены!

– И что Калмыков? – спросил Матвей, уже предугадывая ответ.

– Отказался наотрез! Прямо заявил: «Отстань от меня со своими глупостями, Федя!» Я и прикусил язык-то. Зачем мне лезть в чужую жизнь? Меньше всего я хочу учить и наставлять других. Поэтому и собственного сына распустил! Не мое это, – морали читать. Уж если меня допекут, достанут до печенок, я лучше в морду дам, чем антимонии разводить!

Он снова потянулся за бутылкой. Что-то в этом разговоре задевало его за живое.

– А где они встречаются? Ну... та женщина и Калмыков?

– Я за ними не слежу, – пробурчал Аврамов. – Встретил однажды случайно... в казино. Они уже уходили...

– Играли?

– Я расспросил крупье. Женщина смотрела, как крутится рулетка, делала ставки. Выиграла.

– Много?

– Какую-то мелочь... Она странно выглядела. В платье черного шелка и шляпке с вуалью. Вуаль была густая, лица не разглядеть. Калмыков явно не ожидал столкнуться со мной нос

к носу. Опешил... правда, быстро пришел в себя. Он вскользь поздоровался сквозь зубы и заторопился к выходу. Я был удивлен...

– Калмыков часто посещает казино?

– Вообще не посещает! Он не игрок. В картишки переброситься может, только преферансист из него никудышный. Скушает он за карточным столом, зевает...

– Значит, в казино его привела дама?

– Получается, да.

– А еще где вы их видели?

– На концерте. Меня жена потащила в консерваторию – Чайковского слушать. Я к музыке равнодушен, но отказать супруге не мог. В антракте гляжу – Калмыков ведет под руку женщину. Сначала я принял ее за Ларису... потом сообразил: не она! Ларочка шляпок с вуалями не носит. У нее другой стиль одежды. И Виталий сразу свернул, увлек свою даму в сторону, чтобы к нам не подходить... даже жестом не поприветствовал. Разве не странно? Я потом ему звоню на мобильный, спрашиваю, с кем, мол, ты на концерте был? Он понес такую чушь, аж стыдно за него стало, ей-богу! Будто бы я обозначился, он-де классическую музыку терпеть не может... Откуда же он узнал, что музыка «классическая»? Я ведь ни словом не обмолвился ни про консерваторию, ни про Чайковского...

– С чего вы взяли, что Калмыков тратит на любовницу много денег?

– Недавно он предложил мне выкупить его долю в ночном клубе «Гвалес». Это лакомый кусочек, скажу я вам! Клуб популярен среди московской элиты, там проводятся модные шоу, места заказывают чуть ли не за полгода вперед, хотя цены баснословные. Одно Большое Пиршество чего стоит! Калмыков не раз приглашал меня в «Гвалес»... Я в восторге от этого заведения! Интерьер, кухня, развлечения – выше всяких похвал. И вдруг он продает свою часть!

Федор Степанович вскочил и зашагал вокруг бильярдного стола. Его щеки пылали, глаза метали искры.

– Естественно, я спросил, в чем причина. Калмыков долго ходил кругами, но потом я заставил его признаться. Оказалось, ему срочно нужны деньги. «Для одной дамы», – сказал он. Представляете себе?! Каковы же аппетиты сей дамочки? Я просто лишился дара речи, когда услышал его лепет про то, какая она необыкновенная, замечательная... и как он готов на все ради нее! Признаться, я подумал, что он рехнулся. Он выглядел безумцем, когда говорил о ней... – Аврамов остановился, возбужденно размахивая руками. – Я понимаю Ларочку! Я сам испугался за его рассудок! От него веяло одержимостью. Я не преувеличиваю, поверьте...

Выдохшись, хозяин бильярдной рухнул в кресло и потянулся за водкой. От очередной рюмки его бросило в жар, на лбу и над верхней губой выступили капельки пота. В отсутствие жены он, видимо, отрывался по полной. Закусив крылышком перепелки, Аврамов удовлетворенно вздохнул и добавил:

– Калмыков никогда не берет в долг. У него такое кредо. Видимо, когда-то погорел на кредитах или еще что...

– Вы предлагали ему одолжить денег?

– Некоторую сумму, – кивнул Федор Степанович. – Но Виталий встал на дыбы. Заявил: бери, дескать, часть «Гвалеса» и не выпендривайся. А не хочешь, так я другим продам.

– И вы согласились?

– Почему бы нет? Раз человек продает! Виталий долго объяснял, что свободных средств у него мало, все в обороте, и что нужную сумму без этой продажи набрать невозможно. Я намекнул: мол, не многовато ли для презента? А он посмотрел на меня и отрезал: «Не твое дело! Я к тебе в душу не лезу... и ты меня оставь в покое!» Вот и поговорили...

– Сделка состоялась?

– Пока нет, – вздохнул Аврамов. – Но в скором времени, надеюсь, состоится. Я дал Виталию месяц на размышление.

Матвей вышел из бильярдной с тяжелым сердцем. Неужели все возвращается на круги своя? То, с чего начиналась их с Астрой история, опять на повестке дня...

Он припарковал свой «Пассат» рядом с автомобилем Аврамова. Темный «Лексус» выглядел шикарно. Внутри, за лобовым стеклом, красовалась красная кошка...

Матвей сел в машину, завел двигатель и задумался. А не съездить ли ему туда, где каждый год в ночь Самхейна – кельтского праздника мертвых – прямо посреди зала варится в магическом котелке свинина с пряностями, и каждый, кто ее отведаст, обретет могущество и бессмертие? По крайней мере, так гласит древняя легенда...

Глава 10

Он спускался по лестнице вниз, ступенька за ступенькой, минуя оскаленные пасти вырезанных из дерева чудовищ. Входная дверь клуба беззвучно распахнулась перед ним и так же беззвучно захлопнулась. Кромешная тьма на мгновение поглотила его, и тотчас по обе стороны вспыхнули светильники в виде факелов.

– Ничего не изменилось, – пробормотал Карелин, оглядываясь.

По-прежнему мрачное великолепие окружало его. Черные с серебром стены, красная плитка пола, свисающие с потолка грубые кованые люстры, массивная мебель из натурального дерева... огромный стол, стулья с высокими готическими спинками. Наверное, за таким столом сидели верные рыцари короля Артура...

Посреди пиршественного зала – открытый очаг из закопченных валунов, над ним висит на цепях начищенный до блеска котел. А вот и Благородная Голова!

Голова на постаменте, задрапированном алым шелком, не шелохнулась, не подмигнула ему в ответ. Она была поразительно похожа на настоящую человеческую голову – глаза, волосы, слегка приоткрытый рот с поблескивающими зубами...

Матвей вдруг вспомнил иссиня-желтую мертвую голову Монса в спальне императрицы и содрогнулся. Царь Петр порой бывал страшно, бессмысленно жесток...

– Желаете сделать заказ?

Администратор, как и положено служителям преисподней, возник бесшумно, подобно призраку. В кельтских преданиях остров Гвалес – одно из названий «иног» мира. Пир на этом острове именуется *гостеприимством Головы*.

Парень в строгом черном костюме, белой сорочке и галстук-бабочке вопросительно уставился на посетителя. Они с Матвеем не узнали друг друга. Вряд ли это был тот самый администратор, который работал в клубе четыре года назад¹⁰.

Матвей решил прикинуться новичком. Он переживал дежавю.

– Что это за гадость? – спросил он, показывая на Голову.

– Гадость?! – поперхнулся парень.

– Именно! Вам не кажется, милейший, что подобное... изображение... способно испортить аппетит любому человеку? Особенно женщине. Я хочу пригласить в ваш клуб свою даму, а тут... это!

– Позвольте, но Голова Брана¹¹ – наша специфика, – покашливая, объяснил администратор. – Согласно верованиям древних кельтов, это талисман, который защищает от зла. Кельты обожали отрубленные головы! Они бальзамировали их и хранили в доме.

– Хм... – скептически скривился Матвей. – Талисман, значит...

– Наш клуб – один из лучших! – заученно тараторил парень. – В ночь Большого Пиршества здесь, прямо на глазах наших гостей, готовится фирменное блюдо... свинина, сваренная в волшебном котелке. Угощение для богов! Воспользуйтесь гостеприимством Головы – и вы не пожалеете! Во время пира наши гости забывают обо всем... пока не откроется заветная дверка, которая пробуждает их память.

Матвей невольно бросил взгляд на то место в стене, где скрывалась маленькая дверца, сплошь испещренная загадочным кельтским орнаментом. Парень перехватил его взгляд.

– Вы совершенно правы! – возликовал он. – Она находится там! Это портал из одного мира в другой...

– Шутите?

– Приходите на Большое Пиршество и сами убедитесь...

– Хорошо, хорошо, – перебил его Матвей. – Я все понял. Какие у вас цены?

– О-о! – закатил глаза администратор. – Цены соответствуют уровню нашего клуба.

Он назвал цифру, от которой у любого здравомыслящего клиента помутилось бы в голове. Да этот «Гвалес» – очень прибыльное заведение! Аврамов не солгал...

Матвей сделал вид, что колеблется.

– Большинство столиков на Самхейн уже заказаны, – сообщил парень. – Это то же самое, что Хэллоуин. Главное шоу состоится в ночь с 31 октября на 1 ноября. Вы, наверное, в курсе.

– Весьма приблизительно...

– Кельты считали эту ночь промежутком безвременья, когда возникает мост между мирами и духи свободно проникают куда захотят.

– Вы имеете в виду... оттуда – сюда? – Матвей, дурачась, показал на дверцу в стене, скрытую за складками багрового занавеса.

Администратор поправил бабочку и серьезно подтвердил:

– Разумеется. И отсюда – туда тоже.

– Занятно... Пожалуй, я сделаю заказ. Какую вы предпочитаете форму оплаты?

– Любую. Вам повезло! Обычно у нас еще с лета все расписано, кроме служебных столиков. Но один господин... вынужден покинуть страну, поэтому я внесу вас в список вместо него.

– Будьте любезны.

Парень выполнил свой служебный долг и успокоился. Он не боялся упустить клиента: в клубе на Хэллоуин ежегодно бывает аншлаг. Не этот, так другой забронирует столик на ночь Большого Пиршества. Толстосумы обожают острые ощущения. В этой жизни они уже почти все

¹⁰ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Свидание в Хэллоуин».

¹¹ Благословенный Бран – легендарный правитель Британии. После своей смерти приказал отрубить себе голову, чтобы она служила его подданным, защищая и оберегая их от всевозможных бедствий. Герой кельтской мифологии, достигший «острова блаженных», где остановилось время и царит вечное изобилие.

испробовали и теперь желают прикоснуться к загробным тайнам. Отличный способ облегчить их набитые валютой кошельки!

– Какое будет шоу? – осведомился Матвей, пока администратор оформлял заказ.

– «Охота на ведьм» – с ритуальным сожжением молодой и прелестной колдуньи... У нас все подобные вечеринки костюмированные. Вы в курсе?

– Дежавю!

– Что? – обернулся к нему парень. Он опять закашлялся, деликатно прикрыв губы платком.

– Ничего... вам слышалось...

– Как вас записать? Господин...

– Брюс, – вырвалось у Матвея.

– Хорошо, господин Брюс, – не моргнув глазом, повторил администратор. – Все в порядке. Гостеприимная Голова будет вас ждать и вашу даму! Вы не пожалеете, что выбрали «Гвалес». Милости просим на пир! Деньги должны быть перечислены на наш счет не позже завтрашнего числа.

Он расплылся в белозубой улыбке. Матвей ответил тем же...

* * *

Москва. Август 1917 года

Второе письмо из сундучка, приобретенного на Кузнецком, повествовало о печальной судьбе благодетеля прибывшей в столицу иностранки. Дама сия изъяснялась по-английски... однако, судя по всему, свободно владела и языком москвитов. Из чего следовало, что либо адресат сих посланий не понимал по-русски, либо Сьюзи намеренно использовала английский, как средство предосторожности. На случай, если письмо ее попадет в чужие руки. Вряд ли на то время в Москве нашлись бы люди, сколько-нибудь прилично понимающие английский. Может, двое-трое сведущих толмачей в Посольском приказе, и только.

«Уж не шпионка ли она? – гадал Ольшевский. – Уж не прислала ли ее из Англии знаменитая секретная служба королевы Елизаветы?»¹² Стоп... во второй половине семнадцатого века в Англии уже правили Стюарты...

Он отправился в кладовку и зарылся в книги. «История Англии» оказалась в самом низу, под стопками журналов и потрепанными томами энциклопедий. Ольшевский уселся прямо на пол и принялся лихорадочно листать страницы... Им овладела странная одержимость, как будто от того, разгадает он тайну писем или нет, зависела его судьба. Какое, в сущности, ему было дело до событий более чем двухвековой давности? Но тайнам возраст не вредит – напротив, он придает им значения. Шутка ли – разобраться в хитросплетении интриг, доселе неизвестных ни публике, ни даже ученым мужам? Ольшевский чувствовал: он близок к открытию, которое способно перевернуть его жизнь. Если бы он мог видеть наперед...

– Стюарты... – бормотал он, пробегая глазами по строчкам. – Англо-шотландская королевская династия... Ведут свою родословную от рыцаря Флаголта из Дола... Это совсем седая старина! Нет ли чего поближе? Ага, вот... Ведут свою родословную от Вальтера, шестого Стюарта... так... Вальтер женился на Марджори, дочери короля Роберта Брюса... и в 1371 году их сын занял трон Шотландии под именем Роберта II... Несчастливые монархи... Вечные неудачники! Стюартов преследовали ранние смерти, казни... семеро из них всходили

¹² Елизавета I (1533–1603 гг.) – королева Англии из династии Тюдоров.

на трон несовершеннолетними... Так... Карл I, король Англии, Шотландии и Ирландии... обезглавлен в 1649 году... Уже рядом! Дальше... Карл II Стюарт, война с Кромвелем¹³... бегство из страны... бездетный брак... умирает в 1685 году...

Ольшевский застыл над раскрытой книгой в напряженном размышлении. Закат династии Стюартов... середина семнадцатого века... Англия... Московия... Он искал связь. Настойчиво пытался провести линию, которая соединила бы Стюартов и московский царский дом... Не было такой линии. Единственное, что пришло ему в голову, – Брюсы, которые покинули свою родину и решили служить русским царям...

Он бросил «Историю Англии» и кинулся на поиски другой книги.

– Брюсы... так-так... Ага! Во время Великой английской революции прибыли в далекую Московию искать чинов и заработка... Служили верой и правдой... Роман и Яков Брюсы отроками поступили в потешное войско будущего императора Петра I. Дед их, потомок шотландских королей, скончался в 1680 году, в чине генерал-майора, сын его Вилим дослужился до полковника и погиб под Азовом... а внук, Яков Вилимович Брюс, стал ближайшим другом и соратником Петра Великого...

– Боже мой! – воскликнул потрясенный Ольшевский. – Брюсы имели прямое отношение к династии Стюартов!

Ему казалось, он вот-вот поймет что-то важное, и у него откроются глаза. Мысли его ходили по кругу и возвращались в исходную точку без ответа. Какой ответ он желал бы получить, филолог толком не знал.

Во втором письме Съюзи сообщала, что поселилась в деревянном, но довольно удобном доме Волынского в Китай-городе, который любезно предоставил ей светлицу на втором этаже – девичью комнату, до замужества занимаемую его сестрой. Что из окошка светлицы виден храм с золочеными куполами и слышно, как звонят колокола. Несколько слуг ведут хозяйство Волынского, а сам он каждый день верхом отправляется на службу к царскому двору...

«Знатные московиты одеваются богато, – писала Swarthy. – И повсюду их сопровождает свита, а при езде по городу – до пятидесяти человек пешими. Жены боярские без двух десятков слуг на улицу не показываются. Наряды у них яркие, из парчи и бархата, шиты серебром и золотом, оторочены мехом, сапожки на каблуках. Я в своем темном платье и купленной по дороге епанче¹⁴ выгляжу монашкой. Волынскому представилась путешественницей, ищущей достойного применения своим способностям. Он, кажется, поверил. В Москве много иноземцев: немцы, греки, поляки, голландцы... Одни к ним относятся терпимо, другие ненавидят. Часто можно услышать возмущение: какая, мол, нужда нам в заморских обычаях? Предки наши обходились без них, и мы обойдемся... Но явной вражды московиты не выказывают.

Молодой государь сам говорит на польском, греческом и латыни, покровительствует искусствам, особенно театру, устроенному отцом его. Традиции сии поддерживает и царица, которая переводит с французского Мольера и пробует сочинять собственные пьесы. Весьма похвальные стремления, дивные в сей отсталой стране.

Живя в доме Волынского, я заметила его повышенное внимание и участие к моей персоне. Он решил сделать мне подарок – сундук с одеждой, приличествующей его сословию. Я восхищенно перебирала чудесные вещи, но вынуждена была отказаться. Лучшие мне ходить в том платье, к которому я привыкла и которое не будет вызывать ко мне излишнего интереса.

¹³ Кромвель Оливер (1599–1658 гг.) – английский государственный деятель и военачальник, вождь пуританской революции.

¹⁴ Епанча – старинный длинный широкий плащ.

Ведь у меня нет ни слуг, ни свиты, я хожу по городу одна и не хочу привлекать любителей поживиться...

Волынский обиделся и несколько дней со мной не разговаривал. Раньше он спрашивал, где я так хорошо научилась их языку, и часто исправлял ошибки моей речи. После моего отказа от подарка он как будто отдалился от меня. Я испугалась, что мне придется искать другое жилье, но опасения мои были напрасны. Волынский остыл и даже попросил у меня извинения. Однако с тех пор я стала ловить на себе его долгие пристальные взгляды, а однажды застала его в своей светлице. Надо ли говорить, как сие насторожило меня? Я решила немедленно съехать и прямо заявила ему об этом. Он смеялся, побагровел и... сделал неожиданное признание. Оказывается, он испытывает ко мне нежные чувства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.